

АДМИРАЛ ХОРНБЛАУЭР В ВЕСТ-ИНДИИ

С.С. ФОРЕСТЕР

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Хорнблауэр

Сесил Форестер
**Адмирал Хорнблауэр
в Вест-Индии**

«ВЕЧЕ»

1958

Форестер С. С.

Адмирал Хорнблауэр в Вест-Индии / С. С. Форестер —
«ВЕЧЕ», 1958 — (Хорнблауэр)

ISBN 978-5-4444-9248-2

1821 год. Судьба сводит британского контр-адмирала Хорнблауэра с бывшим наполеоновским генералом Камброном на побережье Мексиканского залива. Человек с лицом подраненной хищной птицы прибыл в эти края, чтобы устроить судьбу своих однополчан-колонистов, обосновавшихся в Америке после падения империи Бонапарта. Увы, старые французские вояки не прижились в чужом климате и теперь их нужно срочно эвакуировать. Дело понятное, благородное, вот только груз на корабле Камбронна показался таможенникам что-то слишком уж большим. Учитывая, что Карибский бассейн охватила волна волнений – пираты, работорговцы, повстанцы во главе с Боливаром, – британский консул просит Хорнблауэра проконтролировать действия французского генерала. За такими энергичными людьми всегда нужен глаз да глаз. Подозрения оказались не напрасными. Вот только планы Камбронна и его гвардейцев оказались совершенно неожиданными.

ISBN 978-5-4444-9248-2

© Форестер С. С., 1958
© ВЕЧЕ, 1958

Содержание

Святая Елизавета Венгерская	6
Звезда юга	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сесил Скотт Форестер

Адмирал Хорнблауэр в Вест – Индии

© Cassette Productions Ltd, 1958

© Доброхотова-Майкова Е.М., перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Святая Елизавета Венгерская

Контр-адмирал лорд Хорнблауэр хоть и именовался громко – главнокомандующий его величества кораблями и судами в Вест-Индии, с официальным визитом в Новый Орлеан прибыл на его величества шхуне «Краб», имевшей на вооружении всего две шестифунтовые пушки и команду в шестнадцать человек, не считая сверхштатных.

Его британского величества генеральный консул в Новом Орлеане мистер Клаудсли Худ не преминул по сему поводу заметить:

– Решительно не ожидал встретиться с вашей милостью на столь маленьком судне.

Он огляделся. К пирсу, возле которого пришвартовался «Краб», консул подкатил в экипаже и о своем прибытии отправил возвестить ливрейного лакея, однако приветствовали его лишь двое боцманматов¹ с дудками (ими оркестр «Краба» и ограничивался), а на шканцах поджидали помимо самого адмирала только флаг-адъютант и простой лейтенант – командир шхуны.

– Вынужденные обстоятельства, – пояснил Хорнблауэр. – Однако если вы позволите проводить вас в каюту, я предложу вам все возможное гостеприимство моего временного флагмана.

Мистер Худ (трудно было бы придумать менее подходящее имя, ибо он был непомерно тучен – целая груда одутловатой плоти) втиснулся в кресло за столом в маленькой, уютно обставленной каюте и на предложение Хорнблауэра перекусить ответил, что уже завтракал – видимо, сочтя, что на таком суденышке не могли приготовить ничего путного. Флаг-адъютант Джерард ненавязчиво примостился в уголке с карандашом и блокнотом на коленях. Хорнблауэр вернулся к начатому разговору.

– «Феба» ударило молнией у мыса Моран, – сказал он. – Я намеревался прибыть на нем. «Клоринда» чинится в доке. «Косуля» возле Кюрасао приглядывает за голландцами – они бойко продают оружие Венесуэле.

– Мне ли не знать, – отозвался Худ.

– Вот три мои фрегата, – продолжал Хорнблауэр. – Поскольку визит был объявлен заранее, я счел за лучшее прибыть хотя бы на шхуне.

– Как пали могучие! – процитировал мистер Худ. – Ваша милость, главнокомандующий, располагает лишь тремя фрегатами и полудюжиной шлюпов и шхун.

– Четырнадцатью шлюпами и шхунами, – уточнил Хорнблауэр. – Самые подходящие суда для здешних моих целей.

– Без сомнения, милорд, – отвечал Худ. – Но я помню дни, когда в распоряжении главнокомандующего была эскадра линейных кораблей.

– Так то во время войны, сэр. – Хорнблауэр вспомнил разговор с Первым лордом Адмиралтейства накануне своего вступления в должность и добавил: – Палата общин скорее сгноит королевский флот на приколе, чем увеличит подоходный налог.

– Как бы то ни было, ваша милость здесь, – продолжал Худ. – Ваша милость обменялись салютами с фортом Сент-Филип?

– Выстрел на выстрел согласно договоренности, о которой вы извещали в своей депеше.

– Прекрасно! – воскликнул Худ.

Сказать по правде, церемония получилась довольно нелепая. Вся команда «Краба» выстроилась по уставу вдоль борта, офицеры на шканцах застыли навывтяжку, но «всей команды» осталось до смешного мало – четверо матросов заряжали пушку для салюта, один

---

¹ См. краткий морской словарь в конце книги.

стоял у сигнального фала и один – у штурвала. К тому же лило, как из ведра, – парадный мундир на Хорнблауэре промок и обвис.

– Ваша милость воспользовались услугами парового буксира?

– О да, клянусь Богом! – воскликнул Хорнблауэр.

– Вероятно, для вашей милости это было внове?

– Да, конечно, – сказал Хорнблауэр. – Я...

Он сдержался, чтобы не выложить разом все свои соображения по поводу паровых судов – весьма необычные и неуместные. За время от восхода до заката паровой буксир протащил «Краба» против течения сотни миль от моря до Нового Орлеана и прибыл минута в минуту, как и обещал шкипер. И вот Новоорлеанский порт: множество кораблей, причем не только океанские парусники, но и целая флотилия пароходиков – шлепая лопастями, они на удивление резво спорили с течением, а поворачивали куда проворнее даже оснащенного косыми парусами «Краба».

– Пар открыл дорогу вглубь континента, милорд, – в тон мыслям Хорнблауэра заметил Худ. – Целая империя. Судоходные реки – тысячи и тысячи миль. Через несколько лет в долине Миссисипи будут жить миллионы людей.

Хорнблауэр вспомнил, как еще капитаном на половинном жалованье присутствовал при споре о «паровых чайниках». Кто-то предположил, что со временем появятся движимые паром океанские суда. Идею должным образом подняли на смех как губительную для подлинного мореходного искусства. Хорнблауэр не был вполне согласен ни с той, ни с другой стороной, но смолчал, не желая прослыть опасным безумцем. Он не намеревался обсуждать эту тему и сейчас, даже со штатским.

– Есть ли донесения для меня? – спросил он.

– Целая кипа, милорд.

Мистер Худ вытащил из кармана пачку бумаг.

– Вот последнее сообщение из Новой Гренады – вероятно, вы не успели получить более свежих. Повстанцы...

Мистер Худ быстро обрисовал военное и политическое положение в Центральной Америке. Испанские колонии вступили в завершающую стадию борьбы за независимость.

– Полагаю, скоро правительство его величества их признает, – заметил Худ. – А наш вашингтонский представитель сообщил мне, что руководство Соединенных Штатов склоняется к подобному же шагу. Остается ждать, что скажет Священный союз.

Конечно, Европа под властью абсолютных монархов будет косо смотреть на появление целого ряда новых республик, однако неважно, что скажет Европа, куда Королевский флот – пусть даже пришедший с окончанием войны в упадок – господствует на море, и две англоговорящие державы действуют заодно.

– На Кубе волнения, – продолжал Худ, – и, насколько мне известно, испанское правительство выдало новые каперские свидетельства приписанным к Гаване судам.

Каперские свидетельства доставляли Хорнблауэру едва ли не больше всего хлопот. И повстанцы, и старые власти выдавали своим сторонникам патенты на право охотиться за кораблями противника. В отсутствие дозволенной добычи и действенного призового законодательства каперы мигмом превращались в пиратов. Тринадцать из четырнадцати шлюпов и шхун Хорнблауэра рыскали по Карибскому морю, стараясь не спускать с них глаз.

– Я составил для вашей милости копии донесений, – закончил Худ. – Они у меня здесь, вместе с копиями жалоб от пострадавших шкиперов.

– Спасибо, сэр, – сказал Хорнблауэр. Джерард принял бумаги.

– Теперь, с разрешения вашей милости, о работоторговле, – продолжал Худ, принимаясь за новую кипу.

Работорговля тревожила Хорнблауэра не меньше пиратства, тем более что английское Общество борьбы с рабством пользовалось мощной поддержкой в обеих палатах парламента и способно было наделать больше шума из-за доставленной в Гавану партии рабов, чем страдающая от каперов торговая компания.

– В настоящее время, милорд, – сказал Худ, – негр, доставленный с Невольничьего Берега в Гавану, продается за восемнадцать фунтов, в Ажуде² же за него надо отдать товаров от силы на фунт. Прибыль весьма заманчивая.

– Разумеется, – отвечал Хорнблауэр.

– У меня есть основания полагать, что в перевозке рабов участвуют суда, приписанные к британским и американским портам.

– У меня тоже.

Первый лорд адмиралтейства, говоря об этом с Хорнблауэром, зловеще постучал пальцем по столу. Согласно новым законам британские подданные, уличенные в торговле рабами, подлежали повешенью, а их корабли – конфискации. Куда сложнее с судами, несущими американский флаг. Упаси бог настаивать, если американский капитан откажется лечь в дрейф для досмотра в открытом море. Сбить ядром американскую мачту или застрелить американского гражданина – значит накликать неприятности. Десять лет назад Америка объявила войну Англии по весьма сходному поводу³.

– Мы не желаем неприятностей, милорд, – сказал Худ. Его серые, заплывшие жиром глаза смотрели умно и проникательно.

– Мне это известно, сэр.

– В этой связи, милорд, должен привлечь внимание вашей милости к судну, которое сейчас в Новом Орлеане и готовится выйти в море.

– Что за судно?

– Его видно с палубы, милорд. И даже... – Худ с усилием оторвался от кресла и подошел к кормовому окну. – Да вот оно. Что скажете, милорд?

Хорнблауэр посмотрел через плечо Худу. Он увидел красавец-корабль водоизмещением тонн восемьсот или чуть больше. Изящные обводы, величественный наклон мачт, широкий размах реев – все говорило о быстроходности, ради которой строители отчасти пожертвовали грузоподъемностью. Палуба гладкая, без надстроек, в каждом борту по шесть крашенных орудийных портов. Американские корабли всегда славились умением строить быстроходные суда, но это был просто шедевр.

– Есть ли пушки за этими портами? – спросил Хорнблауэр.

– Двенадцатифунтовки, сэр.

Даже и сейчас, в мирное время, купеческие суда в обеих Индиях обыкновенно несли пушки, но не столько и не такие мощные.

– Похож на капер, – сказал Хорнблауэр.

– Совершенно верно, милорд. Это «Дерзкий», построен во время войны, до заключения Гентского мира совершил один рейс и захватил шесть наших судов. И что же дальше, милорд?

– Он может использоваться для перевозки рабов.

– Ваша милость опять, конечно, правы.

Такое тяжелое вооружение пригодится в Западной Африке, где на работорговца всегда могут напасть; под гладкой, без надстроек, палубой легко разместить и палубу невольничью;

---

² Ажуда (совр. Уида) – португальская колония на побережье Гвинейского залива, один из главных центров работорговли.

³ Речь идет о войне между Англией и США в 1812–1814 годах. Среди прочих поводов к войне было и то, что англичане задерживали в море американские торговые суда. По условиям Гентского мирного договора, заключенного между этими странами в 1814 году, американские суда получили свободный доступ в британские владения в Вест-Индии.

быстроходность сокращает время на переход через Атлантику и, соответственно, смертность среди рабов, а что грузоподъемность небольшая – это в данном промысле не помеха.

– Это и вправду работороговец? – спросил Хорнблауэр.

– Нет, милорд, вопреки очевидности. Тем не менее корабль действительно зафрахтован для перевозки большого количества людей.

– Нельзя ли объясниться понятнее, мистер Худ?

– Я могу сообщить вашей милости только то, что узнал сам. Судно зафрахтовал французский генерал, граф Камброн.

– Камброн? Камброн? Тот самый, что командовал императорской гвардией при Ватерлоо?

– Именно, милорд.

– Который сказал: «Старая гвардия умирает, но не сдается»?

– Да, милорд, хотя, по слухам, он выразился крепче. Он был ранен и попал в плен, но выжил.

– Я слышал. Но зачем ему корабль?

– Он не делает из этого тайны. После войны Старая гвардия создала общество взаимопомощи. В 1816 году они решили сделаться колонистами – ваша милость, вероятно, слышали об этом проекте?

– Почти ничего.

– Они захватили территорию на побережье Техаса, мексиканской провинции, граничащей со штатом Луизиана.

– Да, слышал, но этим мои познания и ограничиваются.

– Сперва все у них шло успешно. Мексика как раз свергала испанское правительство. Как вы понимаете, милорд, никто им не препятствовал. Однако дальше дела пошли хуже. Трудно ожидать, что из солдат Старой гвардии получатся хорошие земледельцы. Да еще в таких местах... цепочка забытых Богом лагун, там почти никто и не живет.

– Затея провалилась?

– Как и догадывается ваша милость. Половина умерла от желтой лихорадки и малярии, половина оказалась на грани голодной смерти. Камброн прибыл из Франции, чтобы вывезти домой уцелевших – пятьсот человек. Ваша милость без труда представит, что правительство Соединенных Штатов никогда не благоволило к этому проекту, а теперь и повстанцы встали на ноги и не потерпят на мексиканском побережье несколько сот опытных солдат, как бы мирно те ни были настроены. Ваша милость видит, что Камброн может говорить чистую правду.

– Да.

Судно водоизмещением восемьсот тонн, снаряженное как невольничье, может принять на борт пятьсот человек и вдоволь провизии, чтобы кормить их в длинном путешествии через океан.

– Камброн загрузил корабль преимущественно рисом и водой – невольничий рацион, милорд, однако в данном случае наиболее целесообразный.

Работороговцы знают, как перевозить живой груз.

– Если Камброн намерен доставить их во Францию, никоим образом не могу ему препятствовать, – сказал Хорнблауэр. – Скорее напротив.

– Совершенно верно, милорд.

Серые глаза Худа смотрели на Хорнблауэра без всякого выражения. Ясно, что британского главнокомандующего не может не тревожить появление в охваченной беспорядками Вест-Индии корабля с пятью сотнями вооруженных солдат на борту. Боливар и другие испано-американские повстанцы много бы за них дали. А может, кто-то мечтает захватить Гаити или совершить пиратский набег на Гавану. Возможностей для разбоя не счесть.

Кстати, и Бурбоны не прочь отхватить лакомый кусок, заполучить колонию и поставить англоязычные державы перед свершившимся фактом.

– Я буду за ним приглядывать.

– Я официально привлек внимание вашей милости к данному обстоятельству.

Значит, новая головная боль для Хорнблауэра с его жалкой патрульной службой – он уже прикидывал, какое из своих немногочисленных судов отрядить к тexasскому побережью.

– А теперь, милорд, – продолжал Худ, – позвольте перейти к пребыванию вашей милости в Новом Орлеане. Я составил для вашей милости программу официальных визитов. Ваша милость говорит по-французски?

– Да, – сказал Хорнблауэр и едва не прибавил: «Моя милость говорит».

– Превосходно. Хорошее общество здесь разговаривает главным образом по-французски. Ваша милость, несомненно, посетит губернатора и представителей флотского командования. Разумеется, мой экипаж полностью к услугам вашей милости.

– Вы чрезвычайно любезны, сэр.

– Не стоит благодарности, милорд. Для меня большая честь – сделать все, чтобы визит в Новый Орлеан доставил вашей милости удовольствие. У меня при себе список – лица, с которыми вашей милости предстоит встретиться, и краткие замечания о каждом. Может быть, передать его флаг-адъютанту вашей милости?

– Конечно, – сказал Хорнблауэр, радуясь, что может ненадолго ослабить внимание. Джерард – хороший флаг-адъютант, служит у него уже десять месяцев и все это время был ему надежным подспорьем. Мало того, Джерард обладает тем светским чутьем, которое его адмирал так и не удосужился приобрести. Дело было быстро улажено.

– Что ж, очень хорошо, милорд, – сказал Худ. – Теперь разрешите откланяться. Буду иметь удовольствие встретиться с вашей милостью в губернаторском дворце.

– Премного обязан, сэр.

Новый Орлеан прекрасен. Хорнблауэр с волнением предвкушал, как сойдет на берег. И, как выяснилось, не он один. Сразу после ухода консула лейтенант Харкорт, капитан «Краба», поймал Хорнблауэра на шканцах.

– Простите, милорд, – сказал он, козыряя. – Какие будут распоряжения?

Смысл вопроса был очевиден. Перед грот-мачтой собралась почти вся команда «Краба». Матросы со жгучим любопытством поглядывали на шканцы – на маленьком судне всем до всего есть дело, а дисциплина не такая жесткая, как на большом корабле.

– Вы ручаетесь за поведение своих людей на берегу, мистер Харкорт? – спросил Хорнблауэр.

– Да, милорд.

Хорнблауэр вновь посмотрел на матросов. Те выглядели на редкость молодцевато – они обшивали себя всю дорогу от Кингстона, с того самого дня, как узнали, что шхуну осчастливит своим присутствием адмирал. В ладных синих рубашках, белых штанах и широкополых соломенных шляпах они смущенно жались, отлично понимая, о чем говорят на шканцах. Время мирное, все они добровольцы, пришли на флот по собственному почину. Хорнблауэр никак не мог к этому привыкнуть – двадцать военных лет он командовал насильно завербованными матросами, только и норовившими дезертировать.

– Если вы сообщите мне, когда намереваетесь отплыть, сэр... простите, милорд, – сказал Харкорт.

– Не раньше, чем завтра на рассвете, – внезапно решил Хорнблауэр. До утра все его время расписано.

– Есть, милорд.

Неужели портовые кабаки Нового Орлеана чем-то лучше подобных притонов Кинг-стона или Порт-оф-Спейна?

– Быть может, теперь я могу позавтракать, мистер Джерард? – спросил Хорнблауэр. – Если, конечно, вы не возражаете.

– Так точно, милорд, – отвечал Джерард, старательно не замечая сарказма. Он давно усвоил, что его адмирал не любит заниматься делами до завтрака.

Хорнблауэр уже поел, когда на переходный мостик передали корзину с фруктами – ее принес на голове босоногий негр. Хорнблауэр как раз намеревался отправиться в город.

– Здесь записка, милорд, – сказал Джерард. – Распечатать?

– Да.

– От мистера Худа, – сказал Джерард, сломав печать, и через секунду: – Думаю, вам лучше прочесть ее самому, милорд.

Хорнблауэр нетерпеливо схватил записку.

Милорд (говорилось в ней)

Я взял на себя смелость послать вашей милости эти фрукты.

Обязан известить вашу милость о только что полученном сообщении.

Груз, привезенный графом Камброном из Франции и принятый на хранение таможенным управлением Соединенных Штатов, вскорости будет доставлен на «Дерзкий» лихтером таможенного агентства. Ваша милость, конечно, понимает, что это свидетельствует о скорой отправке «Дерзкого». Мне сообщили, что вес принятого на хранение груза весьма значителен, и я намереваюсь разузнать о нем побольше.

Быть может, ваша милость, со своей стороны, изыщет способ ознакомиться с характером груза.

Остаюсь, с глубочайшим уважением вашей милости покорный слуга

Клаудсли Худ

Е.Б.В. генеральный консул в Новом Орлеане

Что такого Камброн мог привести из Франции в большом количестве и в законном соответствии с заявленной при фрахтовке «Дерзкого» целью? Конечно, не личные вещи. Не провиант и не спиртное – их куда дешевле закупить в Новом Орлеане. Так что? Теплое платье? Вполне возможно – оно наверняка понадобится во Франции возвращающимся из Мексики гвардейцам. Да, возможно. Но за французским генералом, располагающим пятьюстами императорскими гвардейцами, да еще в охваченном смутами Карибском море, нужен глаз да глаз. Узнай они, что за груз он берет на борт, их задача бы значительно упростилась.

– Мистер Харкорт!

– Сэр... милорд!

– Я попрошу вас ненадолго зайти ко мне в каюту.

Молодой лейтенант стоял в каюте по стойке «смирно» и с легким испугом ожидал, что скажет главнокомандующий.

– Это не выговор, мистер Харкорт, – бросил Хорнблауэр сердито, – даже не нарекание.

– Спасибо, милорд, – ответил Харкорт успокаиваясь.

Хорнблауэр подвел его к окну и, как прежде Худ, указал рукой:

– Это – «Дерзкий». Бывший капер, ныне зафрахтованный французским генералом.

Харкорт взглядом выразил недоумение.

– Именно так, – сказал Хорнблауэр. – А сегодня на него лихтером перевезут с таможни оставленный на хранение груз.

– Да, милорд.

– Я хотел бы знать про этот груз по возможности больше.

– Да, милорд.

– Разумеется, я не хочу, чтобы каждый встречный и поперечный знал о моей заинтересованности. Вообще никто лишний не должен знать.

– Да милорд. Отсюда в подзорную трубу я, если повезет, смогу многое рассмотреть.

– Совершенно верно. Вы увидите, тюки это, ящики или мешки. Сколько того и другого.

По тому, какие используются тали, сможете прикинуть вес.

– Так точно, милорд.

– Тщательно записывайте все, что увидите.

– Есть, милорд.

Хорнблауэр вперил глаза в юношеское лицо лейтенанта, пытаясь оценить его благоразумие. Он отлично помнил, как Первый лорд Адмиралтейства настойчиво советовал не задевать легкоранимых американцев. Хорнблауэр решил положиться на молодого человека.

– Мистер Харкорт, – сказал он, – выслушайте с особым вниманием то, что я сейчас скажу. Чем больше я узнаю про груз, тем лучше. Но не идите напролом. Если представится возможность узнать, что там внутри, используйте ее. Не знаю, что это будет за возможность, но случай помогает тому, кто окажется к нему готов.

Когда-то давным-давно Барбара сказала, что везенье – удел тех, кто его заслуживает.

– Я понял, милорд.

– Если просочится хоть малейший намек – если проведуют французы или американцы, – вы пожалеете, что родились на свет, мистер Харкорт.

– Да, милорд.

– Я не нуждаюсь в лихих молодцах. Мне нужен сообразительный, предприимчивый офицер. Вы уверены, что поняли?

– Да, милорд.

Хорнблауэр наконец оторвал взгляд от лица Харкорта. Он и сам был когда-то лихим молодцом. Теперь он с большим, чем прежде, сочувствием вспоминал старших по званию, чьи поручения тогда исполнял. Старший офицер вынужден полагаться на подчиненных, но за все отвечает сам. Если Харкорт оплошает, если по его вине произойдет дипломатический скандал, он и впрямь пожалеет, что родился на свет – уж об этом-то Хорнблауэр позаботится, – но и сам Хорнблауэр пожалеет о своем рождении. Однако незачем говорить об этом Харкорт.

– Тогда все, мистер Харкорт.

– Есть, сэр.

– Входите, мистер Джерард. Мы уже опаздываем.

Экипаж мистера Худа был обит зеленым атласом и снабжен отличными рессорами, так что хоть и мотался из стороны в сторону по плохой дороге, не тряс и не подпрыгивал. Однако, помотавшись пять минут из стороны в сторону – а перед тем экипаж некоторое время простоял под горячим майским солнцем – Хорнблауэр стал едва ли не зеленее обивки. Рю-Ройяль, плацдарм, собор – он почти не глядел по сторонам. Он радовался каждой остановке, хотя остановка и сулила ненавистные официальные знакомства. Выйдя из экипажа и ожидая, пока его проведут в очередной узорчатый портик, он с жадностью глотал влажный воздух, благословляя очередную передышку. Ему никогда прежде не приходило в голову, что парадный адмиральский мундир можно было бы с успехом шить из чего-нибудь потоньше сукна, а широкую ленту со сверкающей звездой он носил давно и уже не испытывал тщеславного удовольствия, выставляя ее напоказ.

В штабе флота он выпил отличной мадеры. Генерал угостил его крепкой марсалай. В резиденции губернатора ему подали изрядную порцию охлажденного во льду напитка (лед этот, доставленный из Новой Англии зимой и сохраняемый до лета в ледниках, стоил, веро-

ятно, дороже золота). Напиток был такой холодный, что на стенках бокала проступил иней. Восхитительно-ледяное содержимое мгновенно исчезло, и бокал тут же наполнили снова. Хорнблауэр резко одернул себя, заметив, что слишком громко и слишком безапелляционно вещает о чем-то несущественном. Он обрадовался, когда Джерард взглядом показал, что можно уйти. Радовался он и тому, что Джерард свеж, как огурчик, и не забывает класть чернokoжим дворецким на серебряные подносы визитные карточки в предписанном этикетом количестве. Больше же всего Хорнблауэр обрадовался, когда очутился наконец у Худа и увидел знакомое лицо – пусть даже знакомство это не насчитывало еще и суток.

– У нас еще час до прихода гостей, милорд, – сказал Худ. – Желает ли ваша милость немного отдохнуть?

– Да, конечно, – сказал Хорнблауэр.

В доме мистера Худа имелось одно замечательное приспособление – душ (Хорнблауэр до сих пор слышал это слово только по-французски). С потолка обшитой превосходным тиковым деревом ванной комнаты свисал цинковый агрегат с мелкими дырочками и бронзовой цепью. Когда Хорнблауэр встал под ним и дернул цепь, из невидимого чана наверху потоком хлынула восхитительно холодная вода. Бодрила она ничуть не хуже, чем струя из корабельной помпы, но в довершение блаженства была пресная! После жаркого дня Хорнблауэр нашел душ вдвойне освежающим. Он долго стоял под льющимся сверху потоком, оживая с каждой секундой. Про себя он решил, что, если когда-нибудь вернется домой, обязательно заведет такое в Смолбридже.

Цветной ливрейный слуга держал наготове полотенце, дабы Хорнблауэру не утруждать себя вытиранием. Покуда слуга промакивал его тело, стук в дверь возвестил о приходе Джерарда.

– Я послал на корабль за чистой рубашкой для вас, милорд, – сказал он.

Джерард – умница; Хорнблауэр, ежась от благодарного наслаждения, надел чистую рубашку, но как же мерзко было затягивать шейный платок и снова влезать в суконный мундир! Он перекинул через плечо ленту, поправил звезду и приготовился к новым испытаниям. Смеркалось, однако вечер не принес с собой желанной прохлады; напротив, в гостиной мистера Худа горели восковые свечи и парило, как в духовке. Там же, в гостиной, ждал и сам хозяин в черном фраке. Из-за белого жабо он казался еще толще. Вплыла миссис Худ в бирюзовом платье – комплекцией она была под стать супругу. Хорнблауэр поклонился, она сделала реверанс и заговорила по-французски. Ее мягкий звенящий голос приятно отдавался в ушах.

– Бокал вина, милорд? – спросил Худ.

– Спасибо, не сейчас, сэр, – поспешно отвечал Хорнблауэр.

– Мы ждем двадцать восемь гостей помимо вашей милости и мистера Джерарда, – сказал Худ. – С некоторыми ваша милость познакомились во время официальных визитов. Кроме того, будут...

Хорнблауэр силился запомнить список приглашенных и краткие характеристики каждого. Джерард, сидевший в сторонке, напряженно слушал.

– И, конечно, Камброн, – продолжал Худ.

– Неужели?

– Я не мог бы дать такого размаха приему, не пригласив самого значительного, после вашей милости, иностранного гостя в городе.

– Да, конечно, – сказал Хорнблауэр.

За шесть лет мира трудно отринуть предрассудки, сложившиеся за двадцать военных лет. Хорнблауэра несколько смущала перспектива запросто провести вечер с французским генералом, тем более – с генералом, который командовал личной гвардией Бонапарта. Сам

Бонапарт томится на острове Святой Елены и горько на это сетует, что, безусловно, не скрасит встречу бывших противников.

– Его будет сопровождать французский генеральный консул, – объяснил Худ. – Кроме того, должны прибыть голландский генеральный консул, шведский...

Список казался бесконечным: Худ едва успел закончить, когда объявили первого гостя. Зажиточные горожане и их зажиточные жены, уже знакомые Хорнблауэру флотские и армейские офицеры с супругами, дипломаты – скоро даже в просторной гостиной сделалось тесно. Мужчины кланялись, дамы делали реверансы. Хорнблауэр разогнулся после очередного поклона – рядом опять стоял Худ.

– Мне выпала честь познакомить между собой двух знаменитых людей, – произнес он по-французски. – *Son Excellence Rear Admiral Milord Hornblower, Chevalier de l'Ordre Militair de Bain. Son Excellence le Lieutenant-General le Comte de Cambronne, Grand Cordon de la Legion d'Honneur*⁴.

Даже в эти мгновения Хорнблауэр не мог не подивиться, как ловко Худ обошел скользкий вопрос кого кому представлять: французского генерала и графа английскому адмиралу и пэру или наоборот. Камброн был высок и тощ, как жердь. Поперек впалой щеки и крючковатого носа шел малиновой шрам – память Ватерлоо, а возможно – Аустерлица, Иены или иного сражения, в котором французы низвергали державы. На Камброне был синий мундир с золотым шитьем и алая лента Почетного легиона с большим золотым значком на левом плече.

– Рад познакомиться с вами, сударь, – сказал Хорнблауэр на своем лучшем французском.

– Не более, чем я, милорд, – отвечал Камброн. У него были зеленоватые с прищуром глаза, длинные седые усы торчали в стороны.

– Баронесса де Вотур, – продолжал Худ. – Барон де Вотур, генеральный консул его христианнейшего величества.

Хорнблауэр снова поклонился и повторил, что очень рад. «Его христианнейшим величеством» именовали Людовика XVIII Французского – этот титул много столетий назад пожаловал его предкам папа римский.

– Граф шалит, – сказал Вотур, указывая на плечо Камброна. – Он носит орден Большого Орла, вручавшийся прежним режимом. Официально его заменил орден Большой Звезды, как совершенно справедливо отметил наш хозяин.

Вотур хотел привлечь внимание к собственной звезде – вполне извинительно и понятно. Плечо Камброна украшал огромный золотой орел, символ не существующей ныне Французской империи.

– Я заслужил его на поле боя, – отвечал Камброн.

– Дон Альфонсо де Версаж, – продолжал Худ. – Генеральный консул его католического величества.

Стоило бы обсудить с испанским консулом переговоры по Флориде, но не успели они обменяться первыми вежливыми фразами, как к Хорнблауэру уже подвели следующего гостя. Лишь какое-то время спустя он получил передышку и смог окинуть взглядом озаренную свечами комнату: мундиры и фраки, голые женские плечи, яркие платья и блеск драгоценностей. Чета Худов скользила среди гостей, выстраивая их по ранжиру. Появление губернатора с супругой послужило сигналом идти к столу.

Обеденная зала размером не уступала гостиной: в середине свободно помещался накрытый на тридцать две персоны стол, а за стульями оставалось еще вдоволь места для

---

⁴ Его превосходительство контр-адмирал лорд Хорнблауэр, кавалер ордена Бани. Его превосходительство генерал-лейтенант граф де Камброн, кавалер Большой Звезды Почетного легиона.

многочисленных лакеев. Здесь было не так светло, как в гостиной, но пламя свечей ярко вспыхивало на бесчисленной серебряной посуде. Хорнблауэр оказался между супругой губернатора и миссис Худ и тут же напомнил себе о необходимости бдительно следить за манерами – тем более бдительно, что с одной из соседок надо было говорить по-английски, с другой – по-французски. Он с опаской взглянул на шеренгу бокалов перед каждым прибором – в первый уже налили хересу. Камброн сидел между двумя прелестными юными леди и безмятежно беседовал с обеими. Если он и замыслил пиратский набег, то не тяготился задуманным.

Перед Хорнблауэром водрузили дымящуюся тарелку с черепаховым супом, в котором плавали кружочки зеленого жира. Значит, новомодный европейский обед – каждому гостю подают отдельно, а не уставляют стол множеством блюд, из которых каждый накладывает себе сам. Хорнблауэр осторожно зачерпнул горячий суп и по обязанности заговорил с соседками ни о чем. Блюдо следовало за блюдом, в зале было жарко, и вскоре перед Хорнблауэром встал деликатный вопрос: что неприличнее – вытереть пот с лица или сидеть мокрым? Наконец ему сделалось так неудобно, что он украдкой промакнул лоб платком. Тут он поймал взгляд Худа и встал, с усилием ворочая отяжелевшими мозгами. Гул разговоров стих. Хорнблауэр поднял бокал.

– Здоровье президента Соединенных Штатов, – сказал он и едва не добавил, как дурак: «долгих лет царствования». На ходу перестраиваясь, он продолжил: – Пусть великая нация, избравшая его президентом, наслаждается благополучием и миром между народами, коего символом может служить наше сегодняшнее собрание.

Тост был встречен всеобщим одобрением. Никто и словом не вспомнил, что на половине континента испанцы и испаноамериканцы всюду убивают друг друга. Хорнблауэр сел и снова утер пот. Теперь встал Камброн.

– Здоровье его британского величества Георга IV, короля Великобритании и Ирландии.

Все выпили. Худ взглянул на Хорнблауэра – снова его черед. Хорнблауэр встал, держа в руке бокал, и начал:

– Здоровье его христианнейшего величества. Его католического величества. Его всевернейшего величества... – С Францией, Испанией и Португалией покончено. – Его величества короля Нидерландского...

Под страхом смерти он не вспомнил бы, кто идет следом. Джерард, поймав его отчаянный взгляд, выразительно указал большим пальцем.

– Его величества короля Шведского, – выдохнул Хорнблауэр. – Его величества короля Прусского.

Успокоительный кивок Джерарда. Значит, он перечислил все представленные за столом государства. Хорнблауэр выудил из водоворота мыслей заключительное:

– Долгих лет царствования их величествам к вящей чести и славе.

С этим все, можно сесть. Поднялся губернатор и заговорил выпренне – до Хорнблауэра дошло, что сейчас будут пить за его здоровье. Он постарался вникнуть. Когда губернатор упомянул оборону Нового Орлеана «от вотще осаждавших его обманутых орд», все взгляды устремились на Хорнблауэра – тема эта должна была возникнуть неизбежно, хотя со времени осады города англичанами прошло уже больше шести лет. Хорнблауэр натужно улыбнулся. Губернатор наконец приблизился к концу речи.

– Позвольте к пожеланиям его милости здравствовать присовокупить тост за британский флот.

Когда затих одобрителный гул, Хорнблауэр снова встал.

– Спасибо за неожиданную честь. – Он сглотнул, придумывая, что сказать дальше. – Присовокупив же к моему имени название флота, коему мне посчастливилось отдать долгие

годы, его превосходительство оказал мне честь еще большую, за что я столь же глубоко признателен.

Не успел он сесть, начали подниматься дамы; пришлось стоять, покуда они не удалились. Вышколенные лакеи молниеносно убрали со стола. Мужчины сели теснее, графин пошел по кругу. Только наполнили бокалы, как Худ заговорил с одним из торговцев о видах на урожай хлопка. С этой безопасной почвы он рассчитывал предпринять осторожные вылазки в более опасную область международных отношений. Однако через несколько секунд вошел дворецкий и что-то зашептал Худу. Тот выслушал и тут же обратился к французскому консулу. Вотур явно встревожился и встал.

– Примите мои глубочайшие извинения, сударь, – сказал он. – Премного огорчен.

– Не более, чем я, барон, – отвечал Худ. – Надеюсь, это легкое недомогание.

– Будем надеяться, – сказал Вотур.

– Баронессе дурно, – пояснил собравшимся Худ. – Уверен, господа, вы разделяете мою надежду, что это лишь легкое недомогание, и сожаления, что мы лишаемся приятного собеседника.

Все сочувственно зашумели. Вотур повернулся к Камброну.

– Прислать за вами экипаж, граф? – спросил он.

Камброн потянул себя за ус.

– Наверно, мне лучше поехать с вами, – сказал он, – как ни жаль покидать такое приятное общество.

Два француза, вежливо распрощавшись, приготовились уходить.

– Был чрезвычайно рад познакомиться с вами, милорд, – кланяясь Хорнблауэру, сказал Камброн. Прищуренные глаза несколько смягчали сухость поклона.

– Весьма любопытно было встретиться с выдающимся военачальником бывшей империи, – отвечал Хорнблауэр.

Худ, изливаясь в сожалениях, проводил французов.

– Джентльмены, ваши бокалы пусты, – сказал он, вернувшись.

Меньше всего на свете Хорнблауэр любил пить портвейн большими бокалами в жарком и влажном помещении, хотя теперь можно было наконец побеседовать с испанским консулом о Флориде. Он с облегчением вздохнул, когда Худ предложил присоединиться к дамам. Где-то неподалеку играл струнный оркестр, к счастью, приглушенно, так что меньше обыкновенного терзал немзыкальное ухо Хорнблауэра. Его усадили рядом с хорошенькой дамой, одной из соседок Камброна за обедом. Она спросила, как ему понравился город, он вынужден был ответить, что в этот первый день почти не видел Нового Орлеана. Разговор перешел на другие города, где ему доводилось бывать. После двух чашек кофе в голове немного прояснилось. Молодая особа оказалась внимательной слушательницей; она сочувственно закивала, узнав из разговора, что Хорнблауэр по долгу службы оставил в Англии жену и десятилетнего сына.

Близилась ночь. Губернатор и его супруга поднялись; прием окончился. Последние томительные минуты, последние неловкие разговоры в ожидании экипажей, и наконец Худ проводил последнего гостя и вернулся в комнату.

– Кажется, вечер удался. Надеюсь, ваша милость со мной согласны. – Он повернулся к жене. – Однако, дорогая, пожалуйста, не забудь выговорить Гуверу за суфле.

Миссис Худ не успела ответить – вошел дворецкий и снова что-то зашептал.

– Попрошу вашу милость на минуточку меня извинить, – встревоженно сказал Худ. Он выбежал из гостиной. Хорнблауэр и Джерард вежливо поблагодарили хозяйку за приятный вечер.

– Камброн нас опередил! – воскликнул, торопливо вбегая, Худ. – «Дерзкий» снялся с якоря три часа назад! Видимо, Камброн напрямик отсюда отправился на корабль.

Он круто повернулся к жене.

– Была ли баронесса и вправду больна? – спросил он.

– Она казалась на грани обморока, – отвечала миссис Худ.

– Значит, притворялась, – заключил Худ. – Камброн хотел уйти под благовидным предлогом и попросил Вотура помочь.

– Что он, по-вашему, задумал? – спросил Хорнблауэр.

– Бог его знает. Но, думаю, вы его спугнули. Ясно, он так скоропалительно отбыл не за хорошим делом. Сан-Доминго, Картахена – где он высадит своих гвардейцев?

– В любом случае я последую за ним, – произнес Хорнблауэр, вставая.

– Вам нелегко будет его догнать, – ответил Худ. От волнения он сказал «вам», а не «вашей милости». – Камброн взял два буксира – «Молнию» и «Звезду»; вся река с недавних пор освещается маяками, так что за ним и на лошади не угнаться. К рассвету он будет в открытом море. Даже не знаю, удастся ли сегодня найти буксир для вас, милорд.

– Я все равно отправлюсь за ним, – сказал Хорнблауэр.

– Я приказал подать экипаж, милорд, – сказал Худ. – Извини, дорогая, мы отбываем без церемоний.

Трое мужчин поспешно откланялись. Дворецкий ждал со шляпами; у дверей стоял экипаж.

– Груз они подняли на борт еще до рассвета, – сказал Худ. – Мой человек с докладом ждет у вас на корабле.

– Может быть, он что-нибудь прояснит, – сказал Хорнблауэр.

Экипаж, раскачиваясь, двинулся по улице.

– Позвольте высказать предположение, милорд? – спросил Джерард.

– Да. Какое?

– Что бы ни замыслил Камброн, Вотур с ним в сговоре, милорд. А он служит французскому правительству.

– Вы правы. Бурбоны всюду суют нос, – задумчиво проговорил Худ. – Боятся упустить свое. Можно подумать, мы их разбили при Ватерлоо, не Бони.

Копыта застучали звонче – экипаж въехал на пирс. Остановился. Худ открыл дверцу прежде, чем лакей успел соскочить с запяток, но когда они вылезали из экипажа, тот уже стоял перед дверцей со шляпой в руке, поблескивая темной кожей в свете висящего на козлах фонаря.

– Жди, – бросил Худ.

Они чуть не бегом кинулись к освещенным фонарем сходням; два матроса якорной вахты при их появлении вытянулись по струнке.

– Мистер Харкорт! – крикнул Хорнблауэр, едва ступив на палубу – ему было не до церемоний. Возле трапа горел свет – там же был и Харкорт.

– Здесь, милорд.

Хорнблауэр вбежал в кормовую каюту. С палубного бимса свисал зажженный фонарь, второй принес Джерард.

– Докладывайте, мистер Харкорт.

– «Дерзкий» снялся с якоря в пять склянок первой вахты, милорд. Его тянули два буксира.

– Знаю. Что еще?

– Лихтер с грузом подошел к борту в начале второй собачьей вахты. Сразу, как стемнело, милорд.

Низенький чернявый мужчина незаметно вошел в каюту и остался стоять в тени.

– Ну?

– Джентльмен, которого прислал мистер Худ, вместе со мной наблюдал за погрузкой, милорд.

– Что грузили?

– Я считал по мере погрузки. У них на бизань-штаге горели огни.

– Ну?

Харкорт приготовился читать по бумажке.

– Двадцать пять деревянных ящиков, милорд, – прочел он, опередив нетерпеливый взгляд Хорнблауэра. – Я узнал эти ящики, милорд. В такие обычно пакуют ружья, по двадцать четыре ствола в каждый.

– Пятьсот ружей и штыков, – быстро умножил Джерард.

– Так я и думал, – сказал Худ.

– Еще что? – спросил Хорнблауэр.

– Двенадцать больших продолговатых тюков, милорд, и еще двадцать длинных, узких.

– Не можете ли вы предположить...

– Соблаговолите выслушать матроса, которого я отрядил, милорд?

– Зовите его.

– Спустись сюда, Джонс! – крикнул Харкорт и повернулся к Хорнблауэру. – Джонс – отличный пловец. Я послал его вместе с другим матросом в караульной шлюпке, и Джонс подплыл к лихтеру. Расскажи его милости, что ты разузнал, Джонс.

Джонс оказался щуплым низкорослым парнем. Он заморгал от яркого света, робея в присутствии важных особ. Заговорил он с тем простонародным выговором, который сразу выдает уроженца лондонских трущоб.

– Форменные мундеры, сэр, в тех больших тюках, сэр.

– Как ты узнал?

– Подплыл к лихтеру и пощупал, сэр.

– Кто-нибудь тебя видел? – Это спросил Худ.

– Нет, сэр, ни одна душа. Все были заняты, грузили ящики. Форменные мундеры, сэр, я говорил, сэр, я нащупал пуговицы, сэр. Не как у нас, сэр, а выпуклые, навроде пуль, целые ряды на каждом мундере. Еще я, кажись, нащупал позумент и чтой-то навроде шнурков, сэр. Форменные мундеры, сэр, точно говорю.

В этот момент вперед выступил чернявый мужчина – в руках он держал что-то мокрое, похожее на дохлую кошку. Прежде чем продолжать, Джонс указал на странный предмет.

– Хошь убейте, не мог угадать, чего в другом тюке, длинном. Я вытащил нож...

– Ты точно знаешь, что тебя никто не видел?

– Точно, сэр. Вытащил я нож и распорол шов. Они подумают, лопнул при погрузке, сэр. Выудил я эту штуковину и поплыл к лодке, сэр.

Темноволосый протянул вперед черную мохнатую массу.

Хорнблауэр нетерпеливо схватил ее и тут же наткнулся пальцами на металл.

– Орлищи, сэр, – сказал Джонс.

Медная цепь и большой медный значок – такого орла Хорнблауэр видел сегодня вечером на груди у Камброна. Он держал в руках меховой кивер, богато изукрашенный и насквозь мокрый.

– Такие носила императорская гвардия, милорд? – спросил Джерард.

– Да, – ответил Хорнблауэр.

Он часто видел выставленные на продажу дешевые гравюры, запечатлевшие последнюю оборону Старой гвардии при Ватерлоо. Теперь и лондонские гвардейцы щеголяли почти в таких же киверах, как тот, что Хорнблауэр держал сейчас в руках, – это была награда за победу над императорской гвардией в решающий момент битвы при Ватерлоо.

– Теперь мы знаем все, что нужно, – сказал Худ.

– Я должен его нагнать, – сказал Хорнблауэр. – Свистать всех наверх, мистер Харкорт.
– Есть, сэр, – машинально отвечал Харкорт и тут же снова открыл рот, да так и замер.
– Помню, – отвечал Хорнблауэр с мукой. – Я сказал, что команда не понадобится мне до утра.

– Да, милорд. Но они недалеко. Я пошлю на розыски. Они будут здесь через час.

– Спасибо, мистер Харкорт. Приложите все старания. Мистер Худ, нам потребуется буксир.

Худ взглянул на темноволосого мужчину, который принес кивер.

– Не уверен, что удастся раздобыть буксир до рассвета, – сказал тот. – «Дерзкий» взял два – теперь я понимаю, зачем. «Президент Мэдисон» чинится. «Тюер» потащил баржи в Батон-Руж. «Экревисс», – тот, что привел ваш корабль сюда, – ушел вниз по реке после полудня. Думаю, «Темерер» сейчас на пути обратно. Быть может, когда он вернется, мы уговорим капитана вас взять. Других буксиров здесь нет.

– Полдень, – сказал Хорнблауэр. – Тринадцать часов задержки. «Дерзкий» будет в море раньше, чем мы отсюда выйдем.

– И это одно из быстроходнейших судов, – добавил Худ. – Уходя от «Тенедоса» во время войны, он делал по пятнадцать узлов.

– В каком мексиканском порту он берет на борт солдат?

– В лагуне всего один поселок, милорд, Корпус-Кристи. Пятьсот миль отсюда и попутный ветер.

Хорнблауэр представил, как красавец «Дерзкий» несется под пирамидой парусов, раздуваемых попутным ветром. Маленький «Краб» не рассчитан на океанские гонки. Оснастка и обводы придают ему маневренность, незаменимую при патрульной службе в мелких заливах Вест-индского архипелага. В гонке к Корпус-Кристи «Дерзкий» наверняка выиграет несколько часов, может быть, сутки или больше, вдобавок к уже выигранным двенадцати. Пятьсот бывалых солдат погрузятся без промедленья, и «Дерзкий» отплывет вновь. Куда? Усталая голова пошла кругом, стоило Хорнблауэру задуматься о невероятно сложной ситуации в странах, до которых от Корпус-Кристи рукой подать. Если б только угадать, что замыслил Камброн! Хорнблауэр мог бы, опередив «Дерзкого», прибыть в опасную точку; последовав за ним в Корпус-Кристи, он наверняка не застанет ни корабля, ни солдат. Не оставив на морской глади следа, «Дерзкий» устремится к неведомой, но явно злонамеренной цели.

– «Дерзкий» – американское судно, – подбавил к его заботам Худ.

Это важное, очень важное обстоятельство. «Дерзкий» зафрахтован под благовидным предлогом и несет звездно-полосатый флаг. Просто так его не досмотришь. Хорнблауэра строго предупреждали не задевать американцев. Всего лишь девять лет назад Америка смело объявила войну величайшей морской державе только из-за того, что Королевский флот чинил препоны американским торговым судам.

– Он вооружен и на нем полно народу, милорд, – напомнил Джерард.

Еще одно важное обстоятельство. Что «Дерзкому» с его двенадцатифунтовками, пятью сотнями хорошо обученных солдат и большой американской командой в придачу «Краб» с его шестифунтовками и командой в шестнадцать человек? Американский капитан вправе не подчиниться сигналам с «Краба», и Хорнблауэр бессилен будет настоять на своем. Сбить ядром мачту? Не так-то просто из шестифунтовки, и даже если никого при этом не убьют, разразится страшная дипломатическая буря – обстреляли звездно-полосатый флаг! Следовать за «Дерзким», чтобы по крайней мере выяснить намерения Камброна? Нет, невозможно. Стоит «Дерзкому» расправить паруса, как он оставит «Краба» за горизонтом и двинется дальше без помех.

Обливаясь потом в душной ночи, Хорнблауэр чувствовал себя заарканенным зверем. С каждой минутой петля затягивалась все туже. Подобно дикому зверю, он готов был потерять

самообладание, запаниковать, дать выход гневу. За долгие годы службы ему приходилось видеть, как в безвыходном положении старшие офицеры поддавались ярости. Он оглядел освещенные лампой лица: строгие лица людей, присутствующих при крушении, сознающих, что перед ними – адмирал, с треском проваливший свое первое же важное дело. Уже от этого одного можно было впасть в бешенство.

Спасла гордость. Он не поддастся человеческой слабости на глазах у этих людей.

– В любом случае я отплываю, – сказал он, – как только у меня будет команда и паровой буксир.

– Могу я спросить, как ваша милость намеревается поступить? – осведомился Худ.

Хорнблауэру пришлось быстро изобретать разумный ответ, которого он не знал. Знал же он одно – что не сдастся без борьбы. Еще никто не упростил себе сложную задачу, сидя сложа руки.

– За оставшиеся часы я составлю приказы эскадре, – сказал он. – Мой флаг-адъютант напишет их под диктовку, а вас, мистер Худ, я попрошу взять на себя отpravку.

– Очень хорошо, милорд.

Тут Хорнблауэр вспомнил, что упустил одну важную вещь. Еще не поздно – эту свою обязанность он может выполнить и сейчас. По крайней мере, он скроет свое смятение.

– Мистер Харкорт, – произнес он. – Должен сказать, что вы прекрасно справились с моим поручением. Ваше наблюдение за «Дерзким» можно назвать образцовым. Будьте уверены, я обращаю внимание лордов адмиралтейства на ваше похвальное поведение.

– Спасибо, милорд.

– Что до Джонса, – продолжал Хорнблауэр, – редкий матрос проявил бы подобную сообразительность. Вы сделали хороший выбор, мистер Харкорт, и Джонс его оправдал. Я могу назначить его исполняющим обязанности старшины.

– Спасибо, милорд. Он был произведен в старшины и затем разжалован.

– Пьянство? Потому его и на берег не пустили?

– Боюсь что так, милорд.

– Тогда что бы вы посоветовали?

Харкорт растерялся.

– Вы могли бы повторить ему то, что уже сказали мне, милорд. Пожать ему руку...

Хорнблауэр рассмеялся.

– И прослыть самым скаредным адмиралом в истории флота? Нет. По меньшей мере золотая гиней. Две гиней. Я сам их ему вручу, а вас попрошу по прибытии в Кингстон дать ему трехдневный отпуск. Пусть себе напьется, раз мы не можем наградить его иначе. На меня смотрит вся эскадра.

– Есть, милорд.

– Теперь, мистер Джерард, займемся приказами.

Только к полудню «Краб» отшвартовался, и «Темерер» взял его на буксир; о чувствах Хорнблауэра можно судить по тому, что он не задумался о метаморфозах славного имени⁵. Все долгое, душное утро он диктовал приказы. Требовалось несметное количество копий. Худ отошлет их в запечатанных пакетах с каждым выходящим из Нового Орлеана британским судном. Остается надеяться, что хоть одно из них встретит королевский корабль и передаст приказы без задержки, неизбежной, если отправить депеши в Кингстон и далее по официальным каналам. Всем кораблям Вест-индской эскадры предписывалось обратиться

---

⁵ «Темерер» – название нескольких кораблей британского флота, из которых самый знаменитый – 98-пушечный линейный корабль – был построен в 1798-м, участвовал во многих великих сражениях, включая Трафальгарское. Ко времени описываемых событий он уже шесть лет служил плавучей тюрьмой, а еще через четырнадцать лет был отправлен на слом. Это произошло в 1838 году и запечатлено на самой знаменитой картине Тёрнера, на которой паровой буксир тащит «Темерер» по Темзе.

внимание на американское судно «Дерзкий». Буде таковой встретится, запросить капитана о намерениях и по мере возможности узнать, есть ли на борту солдаты. При сем (Хорнблауэр еще пуще вспотел, формулируя этот пункт) главнокомандующий напоминал британским капитанам свои ранее отданные распоряжения, коими оговорены действия в отношении американских судов. Если солдат на борту не обнаружится, запросить, где они высажены; если они по-прежнему на борту, до высадки их не спускать с «Дерзкого» глаз. В случае, если возникнет необходимость, пресечь намерения «Дерзкого», действовать в высшей мере осмотрительно.

Приказы уйдут из Нового Орлеана не раньше завтрашнего утра, повезет их тихоходное купеческое судно – пока они доберутся до эскадры, Камброн сто раз исполнит задуманное. И все же не следовало пренебрегать даже и такой возможностью.

Хорнблауэр потной рукой подписал двадцать копий приказов, проследил, как их запечатали, и вручил Худу. Прежде чем консул ступил на сходни, они обменялись рукопожатиями.

– По-моему, милорд, Камброн направляется в Порт-о-Пренс или Гавану.

Между Порт-о-Пренсом и Гаваной – более тысячи миль.

– А может, в Картагену или Ла-Гуайру? – спросил Хорнблауэр с иронией. Между ними тоже тысячи миль, равно как и от них до Гаваны.

– Вполне возможно, – отвечал Худ, словно не замечая сарказма. Однако нельзя сказать, что он вовсе не сочувствовал Хорнблауэру, поскольку продолжил: – Как бы там ни было, милорд, желаю успеха. Я уверен, ваша милость его добьется.

«Краб» отшвартовался. «Темерер» взял его на буксир и запыхал смешанными с искрами дымом, чем крайне возмутил Харкорта. Опасаясь не только пожара, но и пятен на безупречной палубе, тот приказал матросам помпами качать воду на палубу и такелаж.

– Завтрак, милорд? – спросил Джерард.

Завтрак? Был час пополудни. Хорнблауэр не спал ночь. Вчера он выпил лишнего, утро провел в хлопотах и тревоге; тревога не отпускала и сейчас. Первым его движением было отказаться, потом он вспомнил, что вчера (неужели только вчера? казалось, прошла неделя) ворчал на задержку с завтраком. Нельзя столь явно обнаруживать человеческие слабости.

– Конечно. Можно было подать и пораньше, мистер Джерард, – проворчал он, надеясь, что раздражение в его голосе сойдет за досаду проголодавшегося человека.

– Есть, милорд, – отвечал Джерард. Он уже несколько месяцев служил под началом у Хорнблауэра и знал его настроения не хуже любящей жены. Знал он и природную доброту Хорнблауэра. Должность свою он получил как сын старого друга, хотя служить у легендарного Хорнблауэра мечтали адмиральские и герцогские сынки.

Хорнблауэр через силу съел фрукты и вареные яйца, выпил, несмотря на жару, кофе. Он еще потянул время, прежде чем выйти на палубу, и на эти несколько минут сумел забыть про свои тревоги – по крайней мере, почти забыть. Но стоило выйти на палубу, и они нахлынули с новой силой. Его не отвлекал ни новый способ движения по реке, ни быстро скользящие за бортом низкие берега. В конце концов, его поспешное отбытие из Нового Орлеана – лишь жест отчаяния. «Дерзкого» не догнать. Камброн совершит задуманное под самым его носом, выставит на посмешище всему миру – его миру, во всяком случае. Он не получит нового назначения. Хорнблауэр вспомнил годы после Ватерлоо, годы, проведенные не у дел. Казалось бы, он жил в довольстве и почете, заседал в палате лордов, пользовался влиянием в графстве, рядом была любящая жена, подрастал сын. И все же он не жил, а прозябал эти пять лет после Ватерлоо, пока не подошел его черед сделаться адмиралом. Он осознал это, только испытав бурную радость при назначении в Вест-Индию. Теперь вся его жизнь до самой могилы будет такой же безрадостной, даже хуже – ее не скрасит надежда на будущее назначение.

Его охватила досада. Он сидит и жалеет себя, вместо того чтобы ломать голову. Что замыслил Камброн? Если удастся его опередить, с триумфом прибыть к месту высадки, то доброе имя Хорнблауэра спасено. Если очень повезет, он сможет решительным образом вмешаться. Но вся Испанская Америка бурлит, и вся Вест-Индия, исключая только британские колонии. Камброн может высадиться где угодно, и Хорнблауэр едва ли найдет законные основания вмешаться. Камброн наверняка заручился полномочиями от Боливара или другого повстанческого лидера. С другой стороны, он осторожничает, значит – опасается, что Королевский флот ему помешает. Помешает? С командой в шестнадцать человек, не считая сверхштатных, и с двумя шестифунтовками? Бред. Камброн его одурачил. Надо думать, думать, думать.

– Мы увидим Сент-Филип не раньше заката, милорд, – доложил Харкорт, козыряя.

– Очень хорошо, мистер Харкорт.

Значит, не придется обмениваться салютами. Он покинет Соединенные Штаты, как побитый пес. Он так мало пробыл в Новом Орлеане, что неизбежно пойдут пересуды. Худ придумает благовидное объяснение, но никто не поверит. Назначение, о котором Хорнблауэр столько мечтал, обернулось позорным провалом.

Он с таким нетерпением предвкушал этот визит, и что же? Он не увидел толком ни Нового Орлеана, ни Америки, ни американцев. Он не заинтересовался огромной Миссисипи. Проблемы мешали ему уделить внимание обстановке, а обстановка – вникнуть в проблемы. Например, фантастический способ передвижения – «Краб» делал пять узлов относительно воды, плюс еще течение. В результате возникал довольно сильный кажущийся ветер – удивительно было нестись навстречу воздушной струе, не испытывая качки, слыша слабое дрожание стоячего такелажа и ни скрипа бегучего.

– Обед подан, милорд, – доложил Джерард, вновь появляясь на палубе.

Уже темнело, но в каюте было жарко и душно.

– Шотландский суп, милорд, – сказал Джайлс, ставя на стол дымящуюся тарелку.

Хорнблауэр рассеянно зачерпнул бульону, попытался проглотить и отложил ложку. Он не хотел ни вина, ни супу, однако должен был притворяться и, давась, проглотил еще несколько ложек бульона.

– Цыпленок маренго, милорд, – сказал Джайлс, ставя новую тарелку.

С цыпленком видимость было соблюсти легче – Хорнблауэр отрезал несколько кусков, немного пожевал и отложил нож и вилку. Если бы случилось чудо, если бы «Дерзкий» сел на мель или оба его буксира полопались и «Краб» победоносно их миновал, Хорнблауэру бы доложили. Нелепая, дурацкая надежда.

Джайлс убрал со стола, поставил блюдо с сыром и тарелку, налил бокал портвейна. Ломтик сыра, глоток портвейна – можно считать, пообедал. Джайлс водрузил на стол серебряную спиртовку и кофейник, фарфоровую чашку – прощальный подарок Барбары. Кофе принес небольшое утешение – хоть какое-то утешение в этом беспросветном мире.

На палубе было уже совсем темно. Справа по курсу, медленно смещаясь к траверзу, мерцал огонь – это горел маяк, один из тех, которые американцы установили, чтобы облегчить ночное движение по Миссисипи. Они и впрямь заинтересованы в нарождающемся паровом сообщении – не даром целых шесть буксиров постоянно снуют вверх и вниз по реке.

– Разрешите обратиться, милорд, – сказал из темноты Харкорт. – Мы приближаемся к устью. Какие будут приказы, милорд?

Что остается делать? Только довести проигранную партию до горького финала. Следовать за «Дерзким» далеко-далеко позади в надежде на чудо, на счастливую случайность. Сто против одного, что, пока он доберется до Корпус-Кристи, птичка упорхнет. Однако – может, из беседы с мексиканскими властями, если таковые имеются, или из местных слухов, если кто-то захочет ими поделиться, – он почерпнет, куда направилась императорская гвардия.

– Как только мы выйдем в море, пожалуйста, возьмите курс на Корпус-Кристи, мистер Харкорт.

– Есть, милорд. Корпус-Кристи.

– Изучите лоции Мексиканского залива, мистер Харкорт, и особенно вход в лагуну.

– Есть, милорд.

Решение принято. Однако Хорнблауэр оставался на палубе, пытаясь охватить задачу во всей ее непомерной, сводящей с ума полноте.

На лицо упали первые капли дождя, и тут же хлынуло, как из ведра. Ливень громко стучал по палубе, парадный мундир Хорнблауэра промок до нитки. В треуголку налилась вода, она сделалась чугуновой. Он уже собирался пойти вниз, но мысли двинулись по проторенной дороге, и он остался. В темноте возник Джерард с зюйдвесткой и дождевиком, но Хорнблауэр не обращал внимания. Возможно ли, что он зря всполошился? Что Камброн и в самом деле намерен отвезти гвардию домой? Нет, конечно нет. Не стал бы он в таком случае брать на борт шестьсот ружей и штыков, не стал бы торопливо, как вор, сниматься с якоря.

– Прошу вас, милорд, – сказал Джерард, упорно протягивая дождевик.

Хорнблауэр вспомнил, как перед их отплытием из Англии Барбара отвела Джерарда в сторонку и что-то долго ему внушала. Без сомнения, она поручила ему следить, чтобы Хорнблауэр не промокал и ел вовремя.

– Уже поздно, мистер Джерард, – сказал он с улыбкой. – Я промок насквозь.

– Тогда прошу вас, милорд, спуститесь в каюту и перемените платье.

В голосе Джерарда звучало искреннее беспокойство. Дождь стучал по дождевику Джерарда, как дробилка для селитры или пороховая мельница.

– Ладно, очень хорошо, – сказал Хорнблауэр.

Он спустился по узенькому трапу, Джерард за ним.

– Джайлс! – громко позвал Джерард. Слуга появился тут же. – Приготовь его милости сухую одежду.

Джайлс засуетился, встал на колени и вытащил из сундука чистую рубашку. Хорнблауэр снял шляпу – из нее выплеснулось полгаллона воды.

– Как следует просуши вещи его милости, – распорядился Джерард.

– Есть, сэр, – отвечал Джайлс. Своим нарочито терпеливым тоном он давал Джерарду понять, что напоминание излишне. Хорнблауэр знал, что оба – слуга и адъютант – к нему привязаны. Пока их привязанность пережила его провал – надолго ли?

– Очень хорошо, – сказал он раздраженно. – Я в силах сам о себе позаботиться.

Хорнблауэр стоял в каюте один, пригнувшись под палубным бимсом. Расстегивая мокрый сюртук, он увидел, что до сих пор не снял орден – лента, которую он перекинул через голову, тоже была мокрой. Лента и звезда насмеялись над его провалом. Он и сам презирал себя в эту минуту – подумать только, он надеялся, что «Дерзкий» сядет на мель в устье Миссисипи!

Джерард, легонько постучав, вошел.

– Я, кажется, сказал, что могу сам о себе позаботиться! – рявкнул Хорнблауэр.

– Мистер Харкорт сообщает, – без тени смущения доложил Джерард. – Мы скоро отцепим буксир. Ветер попутный, свежий, ост-тень-норд.

– Очень хорошо.

Свежий попутный ветер – на руку «Дерзкому». При встречном порывистом ветре «Краб» еще имел бы шансы его нагнать. Судьба ополчилась против Хорнблауэра.

Джайлс, воспользовавшись случаем, проскользнул в каюту и взял у Хорнблауэра мокрый сюртук.

– Я разве не велел тебе убираться?! – заорал Хорнблауэр.

– Так точно, милорд, – невозмутимо отвечал Джайлс. – Что мне делать с этим... с этой шапкой, милорд?

Он держал в руках меховой кивер, до сих пор без дела лежавший на сундуке.

– Убери куда-нибудь! – взревел Хорнблауэр.

Он сбросил башмаки и начал стягивать чулки, когда его поразила мысль – он так и замер согнувшись, додумывая ее.

Меховой кивер – тюки и тюки меховых киверов. Зачем? Ружья, штыки – понятно. Форменные мундиры – ну, положим. Но кто в здравом рассудке вздумал бы экипировать меховыми киверами полк, направляющийся в тропическую Америку? Он медленно выпрямился и замер в глубокой задумчивости. Даже форменные мундиры с пуговицами и золотым шитьем будут неуместны рядом с лохмотьями боливаровых повстанцев, меховые же кивера – это просто нелепость.

– Джайлс! – заревел он и, когда Джайлс появился в дверях, потребовал: – Принеси мне эту шапку!

Он снова взял кивер. Убеждение, что он держит в руках ключ к разгадке, крепло. Тяжелая лакированная медная цепь, медный же имперский орел. За плечами Камброн двенадцатилетний военный опыт – ему ли не знать, что люди в таком наряде не смогут сражаться в малярийных болотах Центральной Америки или камышовых зарослях Вест-Индии! Тогда? Императорская гвардия в мундирах и киверах однозначно связывается у всех с бонапартистским движением, которое не выдохлось и до сих пор. Бонапартистское движение? В Мексике? Чепуха. Тогда во Франции?

Несмотря на мокрую одежду Хорнблауэра бросило в пот – он ощутил прилив горячей крови и понял, что угадал. Святая Елена! Здесь, на одном из самых диких островков мира томится в изгнании Бонапарт. Пятьсот опытных солдат внезапно высаживаются с американо-канского корабля и освобождают его. А потом? Редкий корабль утонет за «Дерзким». Во Франции он окажется раньше, чем весть о побеге достигнет цивилизованного мира. Бонапарт высадится с императорской гвардией – теперь ясно, зачем нужны мундиры и кивера. Все вспомнят былую имперскую славу. Французская армия перейдет под знамена Бонапарта, как прежде, когда тот вернулся с Эльбы. Бурбоны надоели даже тем, кто их когда-то приветствовал – как заметил Худ, они суются во все международные дела, надеясь отвлечь своих подданных от внутренних неурядиц. Бонапарт беспрепятственно вступит в Париж. Мир вновь погрузится в хаос. Европа войдет в новый виток поражений и побед.

После Эльбы хватило ста дней, чтобы разбить Бонапарта при Ватерлоо, но за эти сто дней погибли сто тысяч человек, истрачены миллионы и миллионы. На сей раз победить будет еще труднее. Бонапарт заручится союзниками в охваченной волнениями Европе. Еще двадцать лет войны – и Европа в руинах. Хорнблауэр воевал двадцать лет – при мысли, что это может вернуться, ему сделалось дурно. Вывод был столь ужасен, что он повторил свои рассуждения, но они неминуемо вели к тому же.

Камброн – бонапартист, еще бы, ведь он командовал императорской гвардией. Об этом говорит и бонапартистский Большой Орел вместо введенной Бурбонами Большой звезды. Действовал он с ведома и одобрения Вотура. Вотур служит Бурбонам – значит, он их предал. Зафрахтовать «Дерзкий» и послать на борт смертоносный груз можно было только при попустительстве властей – вероятно, вся Франция пронизана новым бонапартистским заговором. Поступок баронессы – лишнее тому подтверждение.

Центральная Америка и Вест-Индия бурлят, но здесь нет ни одной стратегически важной точки (это обдумано уже не раз), где могли бы высадиться императорские гвардейцы в форменных мундирах и киверах. Значит, Святая Елена и потом Франция. Хорнблауэр уже не сомневался. Миллионы человеческих жизней, покой всего мира зависят от того, что он сейчас решит.

Над головой зашлепали босые ступни. Хорнблауэр слышал, как падают на палубу тросы, слышал приказы, слышал громкий скрип. Поставили паруса, каюта сразу накренилась. Застигнутый врасплох, он оступился, выронил кивер, но поднимать не стал. «Краб» выровнялся на курсе. Палуба под ногами проснулась, ожила. Они в море, они направляются к Корпус-Кристи. Ветер ост-тень-норд – «Краб» полетит, как на крыльях. Надо думать быстро, на счету каждая минута. Если менять планы, в подветренную сторону удаляться нельзя.

А он уже знал, что планы изменятся. Как хотелось ему угадать, куда направится «Дерзкий» после захода в Корпус-Кристи! Теперь он знает и может вмешаться. В его силах сохранить мир на земле. Глядя невидящими глазами вдаль, он стоял на зыбкой палубе и мысленно представлял карту Мексиканского залива и Карибского моря. Это – область северо-восточного пассата. Сейчас пассат не такой устойчивый, как зимой, но учитывать его необходимо. Кораблю, следующему из Корпус-Кристи в Южную Атлантику – на Святую Елену – путь один, через Юкатанский пролив. Затем, особенно, если шкипер не хочет привлекать внимания, он двинется серединой Карибского моря, держась подальше от берегов. Но здесь на его пути неизбежно встанет цепочка Антильских островов.

Между ними – сотни судоходных проливов, но об одном в первую очередь подумает капитан, идущий на Святую Елену и вынужденный учитывать пассат. Он обогнет мыс Галера, северную оконечность острова Тринидад. Здесь он постарается пройти не слишком близко, но и не слишком далеко от берега, потому что к северу от мыса Галера лежит остров Тобаго, а весь пролив Тобаго – Хорнблауэр не мог вспомнить точно, – но уж никак не шире пятидесяти миль. При удачном стечении обстоятельств одно-единственное судно сможет взять под наблюдение весь пролив – никто не проскочит незамеченным. Это типичный пример морской стратегии в миниатюре. Влияние морских держав сказывается на всех океанских просторах, но главным и решительным образом – в точках, где, как в фокусе, сходятся морские пути. Юкатанский пролив в этом смысле менее благоприятен, потому что почти на сто миль шире. «Краб» первым поспеет в пролив Тобаго – он двинется по длинному катету треугольника, а «Дерзкий» – по другому катету и гипотенузе, с заходом в Корпус-Кристи, далеко в наветренную сторону. Надо использовать полученное преимущество и поспешить к Тринидаду. Они только-только опередят «Дерзкого». К тому же есть надежда встретить по дороге какой-нибудь из кораблей эскадры. Желательно фрегат. Располагая фрегатом, он будет достаточно силен. Хорнблауэр наконец принял решение и тут же почувствовал, как участился его пульс.

– Джайлс! – закричал он.

Появился Джайлс и на правах старого избалованного слуги неодобрительно воззрился на так и не снятые мокрые штаны и рубаху.

– Мои приветствия мистеру Харкорт и пусть он зайдет ко мне, как только найдет время.

Когда адмирал требует к себе лейтенанта, у того, разумеется, время находится сразу.

– Мистер Харкорт, мои намерения изменились. Будьте любезны, не теряя времени, возьмите курс на мыс Сан-Антонио.

– Мыс Сан-Антонио. Есть, сэр.

Харкорт – хороший офицер. Он не подал виду, что удивлен.

– Если вы любезно зайдете ко мне с картами, как только мы ляжем на новый курс, я объясню вам, что намереваюсь делать. Прихватите с собой мистера Джерарда.

– Есть, сэр.

Теперь можно снять мокрые штаны и рубаху, насухо вытереться. В каюте уже не так парило, может быть, оттого, что они вышли в море, может быть, оттого, что он решился. Он надевал штаны, когда Харкорт положил руль к ветру. Сильные матросские руки выбрали

шкоты, «Краб» развернулся, как волчок. Теперь ветер дул с траверза, и суденышко резко накренилось. Хорнблауэр – одной ногой в штанине – запрыгал, стараясь удержать равновесие, и плашмя полетел на койку, дрыгая в воздухе ногами. Кое-как встал; «Краб» по-прежнему кренился то сильнее, то слабей с каждой проходящей под его килем волной, всякий раз застигая Хорнблауэра врасплох за попыткой сунуть в штанину вторую ногу. Он дважды плюхался на койку, прежде чем надел-таки штаны. К счастью, Харкорт и Джерард вошли уже после. Они со строгими лицами выслушали, как Хорнблауэр пришел к своим заключениям и как намерен подстеречь «Дерзкого» в проливе Тобаго. Харкорт измерил циркулем расстояние, подсчитал и кивнул.

– До Сан-Антонио мы доберемся на четыре дня быстрее, милорд, – сказал он. – Значит, опередим их на три дня.

Трех дней форы «Крабу» едва хватит в долгой гонке через все Карибское море.

– Не успеем ли мы зайти по дороге в Кингстон, милорд? – спросил Джерард.

Звучало заманчиво, однако Хорнблауэр потряс головой. Что толку посетить штаб, сообщить новости, даже, может быть, взять подкрепление, если «Дерзкий» за это время ускользнет.

– Слишком много займет времени, даже если поспеем к морскому бризу. Плюс неизбежная задержка там. Времени и так в обрез.

– Вероятно, так, милорд, – нехотя согласился Джерард. Он играл роль штабного офицера, чей долг – критиковать всякий предложенный план. – И что мы будем делать, когда их встретим?

Хорнблауэр твердо выдержал взгляд Джерарда – вопрос этот он себе задавал и пока оставил без ответа.

– Сейчас я продумываю свои действия на этот случай, – сказал он с металлом в голосе. Джерард не отважился настаивать.

– Судоходная часть пролива Тобаго – двадцать миль, милорд, – сообщил Харкорт, продолжая орудовать пропорциональным циркулем.

– Значит, мы не упустим их даже ночью, – сказал Хорнблауэр. – Думаю, джентльмены, мы избрали наилучший путь. Быть может, единственно возможный.

– Да, милорд, – сказал Харкорт. Воображение его разыгралось. – Если Бони вырвется на свободу...

Он замолк, не в силах продолжать, не в силах вместить весь ужас последствий.

– Наша задача – этого не допустить, джентльмены. А теперь, когда мы сделали все, что в наших силах, разумно будет передохнуть. По-моему, все мы давно не спали.

Это было верно. Решившись бесповоротно, к добру ли, к худу, начав действовать, Хорнблауэр почувствовал, что глаза его слипаются. Как только младшие офицеры вышли, он лег. Ветер дул с левого борта, койка была у правого – он мог расслабиться, не опасаясь, что скатится во сне. Он закрыл глаза. Ответ на вопрос Джерарда уже начал вырисовываться – ответ столь чудовищный, что о нем страшно было и помыслить. Однако он представлялся неизбежным. Есть долг; и теперь Хорнблауэр был убежден, что исполняет его наилучшим образом. С чистой совестью, с сознанием принятого решения и неотвратимости грядущего, он заснул. Спал он до рассвета и потом еще несколько секунд дремал, пока с первыми лучами солнца в голове его не зашевелились вчерашние ужасные мысли.

Так «Краб», накреньясь под свежим пассатом, начал свою историческую гонку через пол-Атлантики, к проливу Тобаго. Вся команда знала, что участвует в состязании – на таком маленьком суденышке ничто не остается секретом – и всю команду охватил спортивный азарт. Матросы сочувственно поглядывали на одинокую фигуру адмирала, когда тот твердо стоял на продуваемых ветром маленьких шканцах. Все знали, как он рискует; все знали, что

он заслуживает победы, но никто не догадывался, как он страдает, сознавая все непреложное: выиграет он гонку или проиграет, карьера его окончена.

Никто не сетовал на тяжелый труд, на то, что приходится поминутно травить и выбирать шкоты, разворачивать реи при малейшем изменении ветра, спешно убирать паруса в последние секунды перед шквалом и тут же поднимать, едва минует шквал. Адмирал мог бы и не обещать золотую гинею тому, кто первым увидит «Дерзкого» (не исключено было, что они встретят его по пути) – вся команда и так по собственному почину следила за морем. Радужные брызги летели из-под носа корабля и стекали сквозь разошедшиеся от сильного крена палубные пазы, но никого не смущали мокрые рубахи и непросыхавшие койки. Ежечасное бросание лага, ежедневное счисление пути – все это живо интересовало матросов, обычно взирающих на подобные вещи со стойким безразличием бывалых моряков.

– Я сократил выдачу воды, милорд, – сказал Харкорт Хорнблауэру в первое же утро.

– Насколько? – спросил Хорнблауэр, делая вид, будто ему и впрямь интересно. Думал он о другом, и это другое терзало его невыносимо.

– До полгаллона, милорд.

Две кварты воды на человека в день – маловато для людей, занятых изнурительным трудом в тропиках.

– Вы поступили совершенно правильно, мистер Харкорт.

Следовало принять все возможные меры предосторожности. Никто не знает, сколько продлится путешествие и как долго предстоит караулить в проливе Тобаго, не имея возможности наполнить бочки – досадно будет вернуться в порт раньше времени из-за нехватки пресной воды.

– Я скажу Джайлсу, – продолжал Хорнблауэр, – чтобы он брал для меня столько же.

Харкорт сморгнул; он прежде не был близко знаком с адмиралами и воображал, что они постоянно купаются в роскоши. Задумайся он над этой проблемой, он бы и сам понял: если позволить Джайлсу без ограничений брать пресную воду для адмирала, Джайлс и, вероятно, все его дружки будут пить вволю. Хорнблауэр говорил без улыбки: на его лице застыло тоскливое, замкнутое выражение, которое пришло вместе с решимостью.

Как-то после полудня они увидели мыс Сан-Антонио и поняли, что прошли Юкатанский пролив. Это дало Харкورتу точку отсчета в прокладке курса; кроме того, теперь они в любую минуту могли встретить «Дерзкого» – отсюда обоим кораблям предстояло идти примерно одним путем. Две ночи спустя миновали Большой Кайман; острова не видели, но слышали грохот прибоя у прибрежных рифов. Это показало, как лихо Харкорт срезает углы – сам Хорнблауэр обошел бы Большой Кайман подальше. Думая об этом, он сильнее обычного пожалел, что адмиралу не положено вмешиваться в управление флагманом. На следующую ночь замерили глубину – оказалось, что под ними банка Педро. Ямайка и Кингстон остались в сотне миль с наветренной стороны. От новой точки отсчета Харкорт проложил курс прямо на пролив Тобаго, однако держаться его не смог. Пассату вдруг вздумалось задуть с юго-востока; это никого не удивило, поскольку близилось летнее солнцестояние. Теперь ветер был встречный. Харкорт положил шхуну на правый галс – ни один мало-мальски стоящий капитан и на ярд не сдвинется в Карибском море к югу, – и «Краб» двинулся в самый крутой бейдевинд.

– Я вижу, вы убрали марсели, мистер Харкорт, – заметил Хорнблауэр, вступая на зыбкую почву.

– Да, милорд. – В ответ на настойчивый взгляд адмирала лейтенант соблаговолил объяснить: – Широкая шхуна плохо идет при сильном крене, милорд. Без марселей нас будет меньше сносить под ветер.

– Конечно, вам лучше знать свой корабль, мистер Харкорт, – проворчал Хорнблауэр.

Не верилось, что без великолепных прямоугольных марселей «Краб» пойдет быстрее. Уж «Дерзкий»-то наверняка несет все паруса – ну разве что с одним рифом. «Краб» бежал против ветра, накреньясь; порою волны перехлестывали через правую скулу. Временами всем приходилось хвататься за что попало, лишь бы не упасть. На рассвете следующего дня увидели синюю полоску на горизонте – Гаити. Харкорт до полудня шел тем же галсом к быстро поднимающимся горам, потом повернул оверштаг. Хорнблауэр про себя одобрил – через час или два может подняться морской бриз, а им еще огибать мыс Беата. Бесила мысль, что на этом галсе они проигрывают гонку – вполне возможно, что «Дерзкому», где бы тот ни находился, ветер на румб-два благоприятнее. Удивительное дело – марсовые слюнявили пальцы, пробовали ветер, оглядывали наветренный горизонт и критиковали рулевого, который, на их взгляд, мог бы держать круче.

Встречный ветер не стихал целые сутки; на вторую ночь, лежа на койке без сна, Хорнблауэр услышал команду: «Все наверх!» Он сел и потянулся за халатом; над головой топали ноги, «Краб» бешено подпрыгивал.

– Все наверх паруса убирать!

– Три рифа на гроте! – орал Харкорт, когда Хорнблауэр выбрался на палубу.

Ветер раздувал полы халата, прижимал к телу ночную рубашу. Хорнблауэр встал у гака-борта. Вокруг ревела тьма. Из летней ночи на них несся шквал, но кто-то проявил бдительность и подготовился. Шквал налетел с юга.

– Спустишь под ветер! – кричал Харкорт. – Пошел шкоты!

В неразберихе бушующих волн «Краб» развернулся, резко накренился на нос и выровнялся. Теперь он несся в темноте, опровергая свое неблагозвучное название. Благодарение шквалу – они быстро наверстывали упущенное. Ревущая ночь стремительно близилась к рассвету; халат хлестал Хорнблауэра по ногам. Это было упоительно: стоять вот так, подчиняя себе стихии, мчаться, оседлав ветер, вздумавший было захватить их врасплох.

– Отлично, мистер Харкорт! – против ветра прокричал Хорнблауэр подошедшему лейтенанту.

– Спасибо, сэр... милорд. Два часа такого ветра – все, что нам надо.

Судьба подарила им полтора часа. Затем шквал стих, и пассат с прежним упрямством задул ост-тень-норд. На следующее утро за завтраком Джайлс доложил приятную новость.

– Ветер отходит, милорд, – сказал он. Джайлс, как и все на корабле, живо интересовался гонкой.

– Превосходно, – отвечал Хорнблауэр. Только несколько минут спустя он вновь ощутил тупую боль. Этот ветер вернее приблизит его к роковой минуте.

К середине дня пассат выкинул очередную летнюю причуду. Он затихал, затихал и перешел в слабые порывы, так что временами «Краб» лениво поворачивался на синей морской глади – «считал румбы». Смола в пазах плавилась под отвесными солнечными лучами. Летучие рыбки оставляли мимолетные темные борозды на эмалевой поверхности вод. Никто на них не смотрел – все пристально вглядывались в горизонт, ожидая следующего порыва. Быть может, не так далеко в переменчивом Карибском море идет под всеми парусами «Дерзкий». День прошел, за ним ночь, а пассат так и не задул; лишь редкий порыв ветра немного приближал «Краба» к цели. Солнце пекло. Воды выдавали по две пинты в день, и всем постоянно, непрерывно хотелось пить.

Они встретили всего два корабля, и оба без всякого толка. Островная шхуна на пути в Белиз. Голландец на обратном пути из Кюрасао. Ни тому, ни другому шкиперу нельзя было доверить письмо. И ни одного корабля эскадры – это было почти за гранью возможного. Оставалось ждать, ждать с тоскливым, мрачным терпением. Наконец капризный ветер снова задул, на этот раз с оста. Вновь поставили марсели и двинулись нужным курсом, час за часом делая по шесть узлов. Ближе к Антилам корабли стали попадаться чаще, но то были купе-

ческие шлюпы, курсирующие между Подветренными островами и Тринидадом. Всех переполошил возникший на горизонте парус, но то оказался не «Дерзкий». На мачте развевался красно-золотой флаг – испанский фрегат спешил к побережью Венесуэлы, вероятно, усмирять повстанцев. Путешествие близилось к концу: Хорнблауэр услышал «земля!», и через секунду в каюту зашел Джерард.

– Видно Гренаду, милорд.

– Очень хорошо.

Они в тех водах, где особенно вероятно встретиться с «Дерзким»; теперь почти все решает направление ветра. Сейчас он дул с северо-востока; это хорошо. Исключается и без того слабая возможность, что «Дерзкий» пройдет не между Тобаго и Тринидадом, а севернее Тобаго.

– «Дерзкий» пойдет проливом Тобаго, милорд, – сказал Джерард, – и постарается сделать это днем.

– По крайней мере мы можем на это надеяться, – сказал Хорнблауэр.

Вероятно, с «Дерзкого» землю видели так же давно, как и с «Краба», и капитан будет осторожничать, памятуя про переменчивый ветер и непредсказуемые карибские течения.

– Полагаю, мистер Харкорт, – сказал Хорнблауэр, – мы можем спокойно двигаться к мысу Галера.

– Есть, милорд.

Теперь предстояло худшее – ждать, гадая, не сваляли ли они дурака с этой затеей, нести дозор: идти в бейдевинд к Тринидаду, поворачивать оверштаг и возвращаться к Гренаде, минуя Тобаго. Ждать было тяжело, а Хорнблауэр – и никто больше – знал: если они не сваляли дурака, ему предстоит нечто куда более ужасное. Джерард снова заговорил об этом:

– Как вы намереваетесь задержать его, милорд?

– Найдется способ, – отвечал Хорнблауэр, сдерживая раздражение и тревогу.

Был ослепительно сине-золотой день, и «Краб» легко скользил со слабым попутным ветерком, когда впередсмотрящий закричал с мачты:

– Вижу парус! Сподветру, сэр!

Парус мог быть чей угодно, но чем ближе подходил «Краб», тем больше неизвестный корабль напоминал «Дерзкого». Три мачты – уже это внушало уверенность, потому что не так много больших кораблей идет из Карибского моря в южную Атлантику. Поставлены все паруса, даже трюмсели, и лиселя до бом-брамселей. Впрочем, это ни о чем особенно не говорит.

– Похож на американца, сэр!

Уже трюмсели определенно указывали на то же. Харкорт взобрался на мачту с собственной подзорной трубой. Когда он спустился на палубу, глаза его горели.

– Это «Дерзкий», милорд. Я уверен.

Их разделяло девять миль. Небо и море слепили голубизной, вдалеке чуть синела полоска земли. «Краб» выиграл гонку на двадцать пять часов. «Дерзкий» считал румбы – ветра не было, и он крутился на месте под пирамидой бесполезных парусов. «Краб» еще некоторое время двигался и тоже замер под палящим солнцем. Все глаза устремились на адмирала. Тот стоял неподвижно и, не отрываясь, смотрел на далекие белые прямоугольники – свой приговор. Большой грот шхуны хлопнул раз, другой, и гик начал поворачиваться.

– К шкотам! – заорал Харкорт.

Дуновение было таким слабым, что даже не ощущалось на потных лицах, но гики поворачивались, а еще через секунду рулевой крикнул, что корабль слушается руля. Бушприт «Краба» указывал прямо на «Дерзкого», ветер дул с правой раковины, почти с кормы. Если он дойдет до «Дерзкого», то будет для него встречным. Ветер усиливался, обдувал лица, и вот вода запела под носом корабля, загудела обшивка. И тут порыв стих. «Краб» закачался

на зыби. Снова задуло, теперь с левой раковины, потом ветер отошел, так что марсели обра-сопили прямо, фок выбрали на левую сторону. Десять благословенных секунд «Краб» несея на фордевинд, пока вновь не воцарился мертвый, горячий штиль. «Дерзкий», поймав ветер, расправил паруса, но только на мгновение – едва обнаружив свои намеренья, он тут же замер, беспомощный. Не спасала даже большая, чем у «Краба», площадь парусов – слишком велика была инерция более тяжелого корпуса.

– Слава богу, – не отрываясь от подзорной трубы, произнес Джерард, когда «Дерзкий» снова безвольно повернулся. – По-моему, милорд, они хотят проскочить на расстоянии чуть больше выстрела.

– Меня бы это не удивило, – отвечал Хорнблауэр.

Новый порыв ветра еще немного сократил расстояние и снова стих.

– Мистер Харкорт, вам стоит покормить матросов обедом.

Не много найдется охотников есть солонину с гороховым супом в полдневный тропический зной, а тут еще все увлеченно следили за ветром. Посередь обеда налетел очередной порыв и матросов снова погнали к шкотам и брасам.

– Когда вам подать обед, милорд? – спросил Джайлс.

– Не сейчас, – бросил Хорнблауэр, не отнимая от глаза подзорную трубу.

– Они подняли флаг, милорд, – заметил Джерард. – Американский.

Звездно-полосатый флаг, тот самый, в отношении которого Хорнблауэру предписано соблюдать особую деликатность. Да и как иначе, если «Дерзкий» вооружен двенадцатифунтовками и полон людьми?

Новый порыв подхватил оба корабля, но «Краб» резво шел на фордевинд со скоростью два узла, а «Дерзкий», пытаясь идти в бейдевинд на юг, почти не двигался; вот он и вовсе замер, бесцельно поворачиваясь на месте – слишком слабый ветер не позволял править рулем.

– На палубе почти никого, милорд, – сказал Харкорт. Глаз, которым он смотрел в подзорную трубу, слезился от блеска воды.

– Они внизу, – сказал Джерард.

Почти наверняка. Что бы Камброн ни думал о намерениях Хорнблауэра, он предпочтет скрыть, что направляется в Южную Атлантику с пятью сотнями солдат на борту.

А между ним и Атлантикой – «Краб», самая хрупкая преграда, какую только можно вообразить. Если «Дерзкий» выйдет из пролива в открытое море, его уже ничто не остановит. Он доберется до Святой Елены раньше, чем депеша до Европы. Теперь или никогда – и вина Хорнблауэра, что он до этого довел. В Новом Орлеане он позволил обвести себя вокруг пальца. Он дал Камброну вырваться вперед. Теперь он обязан пойти на жертву, которой требуют от него обстоятельства – на любую жертву. Мир на земле надо спасти, и «Крабу» «Дерзкого» не остановить. Это может сделать только он сам.

– Мистер Харкорт, – хрипло, без выражения произнес Хорнблауэр. – Пожалуйста, изготовьте дежурную шлюпку. Вызовите всю команду шлюпки, по два человека на весло.

– Есть, милорд.

– Кто отправится в шлюпке, милорд? – спросил Джерард.

– Я, – отвечал Хорнблауэр.

Грот захлопал, гик со скрипом пошел от борта, потом назад, потом опять от борта. Ветер снова стих. Еще несколько минут «Краб» скользил вперед, потом бушприт его начал отворачиваться от «Дерзкого».

– Не могу держать курс, сэр, – доложил рулевой.

Хорнблауэр оглядел горизонт: ветра ждать неоткуда. Наступил решающий миг. Он со стуком сложил подзорную трубу.

– Я спущусь в шлюпку, мистер Харкорт.

– Дозвольте и мне, милорд, – произнес Джерард с ноткой протеста в голосе.

– Нет, – отрезал Хорнблауэр.

Он не хотел утяжелять шлюпку на случай, если в следующие полчаса поднимется ветер.

– Навались, что есть мочи, – приказал Хорнблауэр гребцам, едва шлюпка отвалила от «Краба». Весла погрузились в синюю-пресинюю воду, засверкали золотом на синеве. Шлюпка, провожаемая тревожными взглядами, обогнула корму; Хорнблауэр повернул румпель и взял курс на «Дерзкого». Шлюпка закачалась на мелкой зыби – вверх-вниз, вверх-вниз. С каждым подъемом на волне «Краб» заметно убывал в размере, «Дерзкий» – прибывал. Он был удивительно хорош в этот золотой вечер, в эти последние (говорил себе Хорнблауэр) часы его военной карьеры. «Дерзкий» все приближался, и наконец в нагретом воздухе раздалось:

– Эй, на шлюпке!

– Иду к вам! – прокричал Хорнблауэр в ответ. Он стоял на корме, чтобы виден был расшитый золотом адмиральский мундир.

– Не приближайтесь! – предупредил голос, но Хорнблауэр по-прежнему правил на корабль.

Из этого международного скандала не выйдет – маленькая шлюпка с безоружной командой доставила одного адмирала на застигнутый штилем корабль. Хорнблауэр направил шлюпку к бизань-руслу.

– Не приближайтесь, – повторил голос с американским выговором.

Хорнблауэр развернул шлюпку.

– Шабаш! – приказал он.

По инерции шлюпка скользнула к кораблю; Хорнблауэр, зная свою неловкость, постарался, как мог, рассчитать движение. Он прыгнул на руслень, черпнул башмаком воду, но удержался и подтянулся.

– Отойдите от судна и ждите меня, – приказал он гребцам и перевалился через борт.

Высокий худой человек с сигарой во рту – должно быть, американский шкипер. Рядом с ним дюжий помощник. С пушек, хотя и не выдвинутых, сняты найтовы. Подле них американские матросы, готовые открыть огонь.

– Не слышали, что ли, я велел не приближаться, мистер? – буркнул шкипер.

– Извините за вторжение, сэр, – отвечал Хорнблауэр. – Я контр-адмирал лорд Хорнблауэр на службе его британского величества по неотложному делу к графу Камброну.

Секунду они стояли на залитой солнцем палубе, глядя один на другого. Тут подошел Камброн.

– А, граф, – сказал Хорнблауэр и с усилием перешел на французский. – Рад снова видеть господина графа.

Он снял треуголку и, прижав ее к животу, склонился в поклоне. Он знал, что кланяется неуклюже.

– Чему обязан этим удовольствием? – спросил Камброн. Он стоял напряженно, пушистые усы топорщились.

– К величайшему моему огорчению, должен сообщить вам прискорбные новости, – сказал Хорнблауэр. Долгими бессонными ночами он повторял про себя эти слова. Теперь надо было произнести их естественно. – А также оказать вам услугу, граф.

– Что вы хотите сообщить мне, милорд?

– Дурные вести.

– Какие?

– С глубочайшим прискорбием, граф, должен известить вас о кончине вашего императора.

– Нет!

– Император Наполеон скончался в прошлом месяце на острове Святой Елены. Примите мои соболезнования, граф.

– Не может быть!

– Уверю вас, граф.

Мускул под малиновым шрамом задергался. Холодные, несколько на выкате глаза буравили собеседника.

– Я узнал об этом два дня назад в Порт-оф-Спейне, – сказал Хорнблауэр, – и тут же отменил приказ об аресте вашего судна.

Камброн не догадается, что «Краб» не поспел бы так быстро.

– Я вам не верю, – тем не менее отвечал он. Именно такой ложью можно было бы остановить «Дерзкого».

– Сударь! – запальчиво воскликнул Хорнблауэр. Он еще прямее расправил плечи, словно честный человек, оскорбленный в своей искренности. Получилось довольно убедительно.

– Вы должны сознавать всю важность того, что говорите, – произнес Камброн с оттенком извинения. В следующий миг он произнес те самые роковые слова, которых Хорнблауэр ждал и страшился: – Милорд, вы даете честное слово джентльмена, что все вами сказанное – правда?

– Честное слово джентльмена, – отвечал Хорнблауэр.

Долгие дни он с мукой заранее представлял себе этот миг. Он был к нему готов. Он сказал эти слова, как сказал бы их человек чести. Он сказал их твердо и искренне, словно сердце его не разбилось в это мгновение. Он знал, что Камброн попросит его поручиться честью.

Это последнее, что он мог принести в жертву. Двадцать лет он рисковал жизнью ради своей страны. Он сносил опасности, тяготы, тревоги. Никогда прежде от него не требовалось жертвовать честью. Что же, и это цена, которую приходится платить. По его вине над миром нависла угроза. Справедливо, что и платить пришлось ему. Честь одного человека – небольшая цена за спокойствие всего мира, за спасение родины от бедствий, едва не сгубивших ее в последние двадцать лет. В те счастливые годы, возвращаясь домой после тяжких боев, он глядел вокруг, вдыхал английский воздух и в приступе глупого патриотизма говорил себе, что за эту страну стоит сражаться, стоит умереть. Но как душераздирающе больно, что пожертвовать пришлось не жизнью, а куда более дорогим – честью.

Несколько офицеров вышли на палубу и теперь толпились вокруг Камброна, ловя каждое его слово; здесь же были шкипер и его помощник. Хорнблауэр стоял напротив них, одинокий, сверкая на солнце золотым шитьем, и ждал. Первым заговорил офицер справа от Камброна – адъютант или какая-то другая штабная крыса. Конечно, он повторил вопрос, поворачивая нож в ране:

– Ваше честное слово, милорд?

– Мое честное слово, – повторил Хорнблауэр так же твердо, с тем же видом честного человека.

Никто не усомнится в слове британского адмирала, двадцать лет верой и правдой служившего своему королю. Он продолжал заученно:

– Теперь вашу затею можно забыть, граф. Смерть императора положила конец надеждам на возрождение империи. Пусть же никто не узнает о ваших замыслах. Вы, эти господа, императорская гвардия под палубами можете не принимать правящий во Франции режим. Можете отвезти их домой в соответствии с заявленными намерениями, а по дороге незаметно выбросить в море ваш воинственный груз. Вот почему я посетил вас в одиночку. Ни

моей, ни вашей стране не нужен новый скандал. Пусть никто ничего не знает; это происшествие останется между нами.

Камброн слушал, но весть так сразила его, что он ни о чем другом говорить не мог.

– Император мертв! – повторил он.

– Я уже выразил вам свои соболезнования, граф, – сказал Хорнблауэр. – Повторяю их этим господам. Мои глубочайшие соболезнования.

Приглушенные перешептывания французов перебил голос шкипера-американца.

– Надвигается порыв ветра, – сказал он. – Через пять минут мы двинемся. Отправляйтесь с нами, мистер, или за борт?

– Подождите, – сказал Камброн (видимо, он немного понимал по-английски) и обернулся к своим офицерам. Все заговорили разом. Хорнблауэр уже не разбирал слов. Однако он видел, что убедил их. Это порадовало бы его, если бы он мог радоваться. Кто-то пробежал по палубе; в следующий миг из люка высыпала императорская гвардия. Старая гвардия Бонапарта – все в мундирах, видимо, готовые отразить абордаж, если команда «Краба» решится на такую глупость. Пятьсот человек в увенчанных султанами киверах, с ружьями. По команде они выстроились в шеренги, исхудалые, уставшие – в свое время они с победой входили во все столицы Европы, за исключением одного Лондона. Так, с ружьями, застыли они навтыяжку – лишь немногие бросали любопытные взгляды на британского адмирала, остальные смотрели прямо перед собой. По впалым щекам Камброна текли слезы. Срывающимся голосом он сообщил новость – он едва мог говорить. Они взвыли, как звери. Они думали о своем императоре, замученном английскими тюремщиками – теперь в обращенных к Хорнблауэру взглядах горело не любопытство, а ненависть. Камброн заговорил вновь: он говорил о будущем и о Франции.

– Император мертв! – повторил он так, будто возвещал о конце света.

Ряды французов смешались – горе пересилило даже железную дисциплину Старой гвардии. Камброн вытащил шпагу и легко поднес рукоять к губам в прекрасном жесте прощания – сталь блеснула в свете заходящего солнца.

– Я обнажал шпагу за императора, – сказал Камброн. – Я никогда ее больше не обнажу.

Он взял шпагу двумя руками и ударил о колено, судорожным движением худощавого, жилистого тела переломил клинок и бросил обломки в море. Старая гвардия протяжно застонала. Кто-то взял ружье за дуло, взмахнул прикладом над головой и с треском ударил о палубу, переломив в узком месте приклада. Другие последовали его примеру. Ружья полетели за борт.

Американский шкипер наблюдал за ними с видом человека, которого ничем на свете не удивишь, однако незажженная сигара у него во рту стала значительно короче – он сжевал ее чуть не наполовину. Шкипер двинулся было к Хорнблауэру, очевидно, желая потребовать объяснений, но французский адъютант его опередил.

– Франция, – сказал он. – Мы направляемся во Францию.

– Во Францию? – переспросил шкипер. – Не на...

Он не мог сказать «Святую Елену», но явно подразумевал.

– Во Францию, – тяжело повторил адъютант.

Подошел Камброн. Он взял себя в руки и теперь держался еще более подтянуто и напряженно.

– Не буду больше мешать вашей скорби, граф, – сказал Хорнблауэр. – Помните, что вам соболезновал англичанин.

Камброн еще вспомнит эти слова, когда узнает, что бесчестный англичанин ему солгал, но сейчас без них было не обойтись.

– Я буду помнить, – произнес Камброн и, с усилием принуждая себя к вежливости, добавил: – Должен поблагодарить вас, милорд, за вашу любезность.

– Я выполнил свой долг перед человечеством, – сказал Хорнблауэр.

Он не протянул руки – коснись его сейчас Камброн, потом бы чувствовал себя оскверненным. Вместо этого он вытянулся и козырнул.

– До свидания, граф, – сказал он. – Надеюсь, мы еще встретимся при более счастливых обстоятельствах.

– До свидания, милорд, – сказал Камброн тяжело.

Хорнблауэр перелез на руслень. Подошла шлюпка, он рухнул на кормовую банку.

– Весла на воду, – приказал он. Никто еще не испытывал такого изнеможения. Никто никогда не был таким несчастным.

На борту «Краба» с нетерпением ждали Харкорт, Джерард и остальная команда. Надо сохранять невозмутимый вид. Надо выполнять свой долг.

– Можете пропустить «Дерзкого», мистер Харкорт, – сказал Хорнблауэр. – Все улажено.

– Улажено, милорд? – переспросил Джерард.

– Камброн отказался от своей затеи. Они мирно возвращаются во Францию.

– Во Францию? Во Францию? Милорд...

– Вы слышали.

Они взглянули на полоску моря между кораблями, алую в свете заката. На «Дерзком» реи обрасопили по ветру.

– Вы приказываете пропустить их, милорд? – не отставал Джерард.

– Да, черт вас побери! – рявкнул Хорнблауэр и тут же пожалел и о своем раздражении, и о резкости. Он повернулся к лейтенанту: – Мистер Харкорт, мы направляемся в Порт-оф-Спейн. Полагаю, хотя ветер и попутный, вы предпочтете не проходить Драконьей Пастью в темноте. Разрешаю вам дожидаться рассвета.

– Есть, милорд.

Даже и теперь его не оставили в покое.

– Обед, милорд? – спросил Джерард. – Я прикажу подать немедленно.

Бессмысленно отнекиваться – за этим последует тягостный спор. Лучше уж покориться и сделать вид, что ест. Однако это означало, что даже в каюте он не сможет сделать, что хочет – упасть на койку, закрыть лицо руками и отдаться своему горю. Пришлось сидеть, расправив плечи, пока Джайлс сперва накрывал, потом убирал со стола, пока тропический закат догорел и тьма сгустилась над утлым суденышком. Только тогда, после «спокойной ночи, милорд» Джайлса, он смог погрузиться в темную пучину своих мыслей.

Он больше не джентльмен. Он обесчещен. Все кончено. Ему придется оставить командование – уйти в отставку. Как посмеет он взглянуть на Барбару? Как отважится поднять глаза на сына, когда тот вырастет и узнает правду? Аристократические родичи Барбары только понимающе хмыкнут. Никогда больше ему не ходить по шканцам, никогда не ступать на борт под свист боцманских дудок, касаясь рукой треуголки. Никогда. Его карьера кончена; все кончено. Он пошел на жертву добровольно и хладнокровно, однако от этого не легче.

Мысли его двинулись по второй половине круга. Мог ли он поступить иначе? Завернуть в Кингстон или Порт-оф-Спейн – но тогда «Дерзкий» бы ускользнул, они и так достигли пролива Тобаго почти одновременно. Пусть даже он бы взял подкрепление – что маловероятно, – все равно было бы не успеть. Допустим, он остался в Кингстоне и послал в Лондон депешу. Да, он бы обелил себя перед властями. Но насколько депеша опередит Бонапарта? На две недели? Наверное, и того меньше. Адмиралтейские клерки поначалу сочтут ее бредом безумца. Пока она ляжет на стол Первому лорду, пока попадет в Кабинет, пока ее обсудят, пока известят французского посла, пока согласуют совместные действия...

И какие действия? Допустим, министры не сочли его пустым паникером и не выбросили депешу в корзину. Пришедший в упадок английский флот не успеет вовремя выйти

в море, тем более – взять под наблюдение все французское побережье и помешать «Дерзкому» в его задаче – доставить по назначению свой смертоносный груз. Тем временем весть, что Бонапарт на свободе, неминуемо просочится и всколыхнет Францию. Италия и без того охвачена мятежом. Написав в Лондон, он бы оградил себя от нареканий, но долг не в том, чтобы избежать упреков. Он обязан был действовать и поступил единственно возможным способом. Ничто иное не остановило бы Камброна. Он знал, в чем его долг. Он знал, какую цену придется платить, и заплатил. Мир на земле куплен ценою его чести. Он больше не джентльмен – мысль, описав круг, вернулась в исходную точку.

Рассудок мучительно метался, словно человек, в крошечной тьме провалившийся в сточную канаву. Скоро мир узнает о его позоре. Камброн не смолчит, другие французы – тоже. Вскоре мир узнает – британский адмирал поручился честью, твердо сознавая, что лжет. Пока этого не произошло, он должен сложить с себя полномочия и подать в отставку. Это надо сделать немедленно – его обесчещенный флаг не может долее развеяться по ветру. Он не имеет права командовать порядочными людьми. Завтра в Порт-оф-Спейне он увидится с губернатором Тринидада. Завтра он скажет, что у Вест-индской эскадры больше нет главнокомандующего. Губернатор предпримет официальные шаги, известит эскадру, как если бы главнокомандующий скончался от желтой лихорадки или апоплексического удара. Таким образом анархия будет сведена к минимуму и смена командования пройдет без особых затруднений. Губернатор, конечно, решит, что он сошел с ума – если Хорнблауэр не сознается в своем позоре, то, возможно, завтра же окажется в смиренной рубашке. А потом губернатор узнает правду и почувствует смешанную с презрением жалость. Теперь до конца жизни его будут только жалеть и презирать. Барбара... Ричард... Рассудок не находил покоя – несчастный барахтался в зловонной трясине, окруженный ночной мглой.

Ночная мгла уже рассеивалась, когда в каюту, постучавшись, вошел Джерард. Слова замерли у него на губах, когда он увидел бледное под загаром лицо и запавшие глаза Хорнблауэра.

– Вам нездоровится, милорд? – спросил он с тревогой.

– Нет. Что вы хотели сказать?

– Мистер Харкорт свидетельствует свое почтение, милорд, и сообщает, что мы у входа в Драконью Пасть. Ветер свежий норд-тень-ост. Мы сможем войти в пролив, как только рассветет, милорд. Якорь бросим в Порт-оф-Спейне в две склянки послеполуденной вахты, милорд.

– Спасибо, мистер Джерард. – Медленно, с усилием произнесенные слова звучали холодно. – Передайте мистеру Харкورتу мои приветствия и скажите, что я со всем согласен.

– Есть, милорд. Поскольку это первый заход вашего флага в Порт-оф-Спейн, то надо обменяться салютами.

– Очень хорошо.

– Губернатор стоит выше вас по рангу, милорд, так что первый визит за вашей милостью. Прикажите его известить?

– Спасибо, мистер Джерард. Буду премного обязан.

Это пытку еще предстоит вынести. Надо привести себя в должный вид – нельзя выходить на палубу невымытым и нечесаным. Никуда не денешься – надо бриться и слушать болтовню Джайлса.

– Пресная вода, милорд, – объявил Джайлс, внося дымящийся котелок. – Капитан решил, все равно мы сегодня заправляемся водой.

Каким наслаждением, какой светлой радостью было бы в иных обстоятельствах умыться пресной водой – но он не радовался. Радостно было бы стоять на палубе, покуда «Краб» проходит Драконьей Пастью, разглядывать незнакомый пейзаж – но и это не утешало. Радость могли бы доставить чистое белье и даже жесткий крахмальный галстук,

даже лента, звезда и шпага с золотым эфесом. Как радовали бы его тринадцать залпов с берега и ответные выстрелы «Краба» – но радости не было, только мучительная мысль, что никогда больше пушки не будут палить в его честь, что никогда команда не вытянется по струнке, провожая его с корабля. Все равно нельзя раскисать. Надо расправить плечи и ступать твердо. Он даже заморгал, удерживая слезы – он не расплачется, словно сентиментальный французишка. Небо над головой было синее-синее – лучше б ему быть черным.

Губернатор оказался грузным генерал-майором, тоже при орденской ленте со звездой. Всю официальную часть он простоял навтыжку и расслабился, стоило им остаться наедине.

– Отлично, что вы к нам заглянули, милорд. Прошу садиться. Надеюсь, в этом кресле вам будет удобно. Херес вполне сносный. Налить вашей милости бокал?

Не дожидаясь ответа, он налил.

– Кстати, милорд, слышали новость? Бони представился.

Хорнблауэр остался стоять. Он собирался отказаться от хереса – губернатор не стал бы пить с уличным лжецом. Теперь он с размаху сел и машинально взял предложенный бокал. В ответ на сообщенную губернатором новость он только крикнул.

– Да, – продолжал губернатор. – Умер три недели назад на острове Святой Елены. Там его и похоронили. Вам дурно, милорд?

– Ничуть, спасибо, – отвечал Хорнблауэр.

Прохладная затемненная комната плыла перед глазами. Придя в себя, он вспомнил святую Елизавету Венгерскую. Вопреки строгому запрету мужа, она несла бедным еду – полный фартук хлеба, – и муж ее заметил.

– Что у тебя в фартуке? – спросил он.

– Розы, – солгала святая Елизавета.

– Покажи, – приказал муж.

Святая Елизавета развернула – полный фартук роз.

Жизнь начинается снова, подумал Хорнблауэр.

Звезда юга

Нет лучше места для катания на яхте, чем здесь, на самом краю тропического пояса, где над безбрежным атлантическим простором пассат дует в полную силу, – так внезапно подумалось Хорнблауэру. Для него это и впрямь была не более чем морская прогулка. Лишь недавно он пережил тяжелейшее душевное испытание, когда будущее всего мира зависело от него; в сравнении с этим обязанности главнокомандующего Вест-индским флотом представлялись сущим пустяком. Он стоял на шканцах фрегата его величества «Клоринда», купаясь в утреннем солнце. «Клоринда» шла в бейдевинд под умеренными парусами, палуба привычно качалась под ногами, пассат ревел в ушах. Тени от натянутых снастей скользили по палубе; когда «Клоринда» кренилась вбок, к только что вставшему солнцу, тени выбленок бизань-вант быстрой чередой пробегали по глазам, гипнотически усиливая ощущение, что жизнь прекрасна. Быть главнокомандующим, у которого всех забот – работоторговцы, пираты и хитросплетения карибской политики – счастье, какого не ведал ни один император или даже поэт. Босоногие матросы, драящие палубу, смеялись и перешучивались, брызги над наветренной скулой вспыхивали радугой, и Хорнблауэр мог потребовать завтрак, когда захочет – стоять на шканцах и оттягивать удовольствие было почему-то особенно приятно.

Появление на шканцах капитана сэра Томаса Фелла несколько подпортило картину. Сэр Томас, угрюмый человек с длинным худым лицом, считал своим долгом развлекать адмирала вежливой беседой и не умел понять, когда в его обществе не нуждаются.

– Доброе утро, милорд, – сказал капитан, отдавая честь.

– Доброе утро, сэр Томас. – Хорнблауэр тоже коснулся рукой треуголки.

– Славное утро, милорд.

– О, да.

Сэр Томас обвел корабль капитанским взглядом: сперва палубы, затем паруса и такелаж, и наконец повернулся назад, туда, где за кормой на горизонте еле-еле угадывались очертания Пуэрто-Рико. Хорнблауэр внезапно понял, что очень хочет есть, и тут же сообразил, что не может исполнить свое желание сию же минуту. Вежливость ставит границы даже главнокомандующему – во всяком случае, ставила границы ему. Он не мог уйти в каюту, не обменявшись с Феллом еще несколькими фразами.

– Может быть, сегодня нам наконец кто-нибудь попадется, – сказал Фелл, и оба при этих словах непроизвольно подняли глаза к дозорному на головокругительной высоте готт-брам-стенги-салинга.

– Будем надеяться, – ответил Хорнблауэр и, потому что так и не сумел проникнуться к сэру Томасу приятностью, а еще потому что меньше всего хотел обсуждать до завтрака технические подробности, продолжил, дабы не выдать своих чувств: – Весьма вероятно.

– Испанцы постараются доставить весь груз до того, как конвенция вступит в силу, – сказал Фелл.

– Да, так мы предположили, – согласился Хорнблауэр.

Капитану, в отличие от его адмирала, явно нравилось обмусоливать до завтрака давно принятые решения.

– А это – место, куда они будут держать курс, – безжалостно продолжал он, глядя за корму на Пуэрто-Рико.

– Да, – ответил Хорнблауэр. Еще минута-другая этого бессмысленного разговора, и можно будет укрыться в каюте.

Фелл взял рупор и направил его вверх.

– Эй, на мачте! Смотри хорошенько, не то шкуру спущу!

– Есть, сэр! – долетел ответ.

– Поголовные, – виновато объяснил Фелл.

– Они всем нам были бы весьма кстати, – вежливо согласился Хорнблауэр.

Британское правительство платило вознаграждение за каждого освобожденного на море раба; эти деньги, как и призовые, делились между командами кораблей, участвовавших в операции. По сравнению со сказочной добычей военных лет то были сущие крохи, но пять фунтов за голову при захвате большого невольничьего корабля давали вполне ощутимую сумму. И четверть ее шла капитану. С другой стороны, восьмая часть доставалась адмиралу, командующему флотом, где бы тот ни находился во время захвата. Хорнблауэр, у которого под началом было двадцать кораблей и судов, получал восьмую часть всех их поголовных. Эта система дележа объясняет, каким образом во время великих войн адмиралы, командующие Ламаншским или Средиземноморским флотом, становились миллионерами, как, например, лорд Кейт.

– Мне – более чем кому-либо, милорд, – сообщил Фелл.

– Возможно, – ответил Хорнблауэр.

Он слышал краем уха, что Фелл в долгах. Тот после Ватерлоо много лет был на половинном жалованье и даже сейчас как капитан пятого класса получал меньше двадцати фунтов в месяц; впрочем, и такое назначение в мирное время считалось большой удачей. Хорнблауэр сам когда-то был нищим капитаном, носил хлопковые чулки вместо шелковых и бронзовые эполеты вместо золотых. Однако у него не было ни малейшего желания обсуждать до завтрака табель капитанских жалований.

– Леди Фелл, милорд, должна поддерживать свое положение в свете, – назойливо продолжал сэр Томас.

Хорнблауэр слышал, что она особа расточительная.

– Будем надеяться, сегодня нам повезет, – сказал он, все еще думая о завтраке.

По мелодраматическому совпадению в этот самый миг с мачты раздалось:

– Вижу парус! Парус на ветре!

– Может быть, это то, что мы ждали, сэр Томас, – сказал Хорнблауэр.

– Возможно, милорд. Эй, на мачте! Каким курсом движется парус? Рулевой, держать круче к ветру!

Хорнблауэр отступил от наветренного фальшборта, чувствуя, что никогда не привыкнет к положению адмирала, вынужденного со стороны наблюдать, как в решительную минуту кораблем правит другой. Мучительно оставаться зрителем, но куда мучительнее было бы уйти в каюту и не знать, что происходит – хуже даже, чем еще на какое-то время отложить завтрак.

– Эй, на палубе! Это двухмачтовик! Идет прямо на нас. Поставлены все паруса до бомбраселей. Капитан, сэр, это шхуна! Большая шхуна! Все еще идет прямо на нас!

Молодой Джерард, флаг-адъютант, выбежал на палубу при первом окрике с мачты и теперь стоял на своем месте подле адмирала.

– Топсельная шхуна, – сказал он. – Большая. Вероятно, это то, что мы ждали, милорд.

– А возможно, и нет, – ответил Хорнблауэр, изо всех сил пытаясь скрыть нелепое волнение.

– Вот и она! – объявил Джерард, глядя в подзорную трубу. – Быстро приближается! Гляньте, какой наклон мачт! Гляньте на форму топселей! Милорд, это не карибская шхуна.

Не будет очень уж невероятным совпадением, если это и впрямь окажется невольничье судно. Хорнблауэр разместил «Клоринду» на ветре от Сан-Хуана именно в расчете на такую встречу. Испания готовится вслед за другими державами запретить работорговлю, так что каждый капитан невольничьего корабля спешит доставить больше товара и продать по ценам, взлетевшим в ожидании запрета. Главный невольничий рынок испанских колоний – в Гаване, в тысяче миль к западу, но можно не сомневаться, что капитаны по пути

из Африки сделают остановку на Пуэрто-Рико, чтобы пополнить запасы воды и, возможно, продать часть груза. Логично было отправить «Клоринду» наперехват.

Хорнблауэр навел подзорную трубу на быстро приближающуюся шхуну и увидел то, о чем говорил Джерард. Над горизонтом уже показался весь корпус. Изыщные обводы и высокие мачты – все говорило о том, что строители пожертвовали водоизмещением ради скорости. Это имеет смысл, только если возить скоропортящийся – то есть человеческий – груз. На глазах у Хорнблауэра квадраты прямых парусов сузились, а промежутки между мачтами стали заметно больше. Шхуна повернула прочь от фрегата – окончательное подтверждение их догадки, что это невольничье судно. Теперь она шла правым галсом на безопасном расстоянии, и расстояние это стремительно увеличивалось.

– Мистер Сефтон! – заорал Фелл. – Наполнить грот-марсель! За ней, на правом галсе! Поставить бом-брамсели!

Матросы дисциплинированно побежали к брасам, другие полезли по вантам ставить паруса. Через несколько мгновений «Клоринда» уже летела в самый крутой бейдевинд. Все паруса, какие мог нести фрегат при свежем пассате, были поставлены, все реи круто обра-соплены; корабль сильно накренился, и набегающие волны, разбиваясь о наветренную раковину, прокатывались по палубе завесами брызг, ветер ревел в снастях – разительная перемена в сравнении с покоем, царившим всего минуты назад.

– Поднимите флаг, – распорядился Фелл. – Посмотрим, что они ответят.

В подзорную трубу Хорнблауэр увидел, как над шхуной взметнулся флаг – красно-золотой испанский.

– Видели, милорд? – спросил Фелл.

– Извините, сэр, – вмешался Сефтон, вахтенный офицер. – Я знаю эту шхуну. Видел ее дважды в прошлом плавании. Это «Эстрелья».

– «Австралия»? – изумленно воскликнул Фелл, не разобрав испанское слово.

– «Эстрелья», сэр. «Эстрелья дель Сур». «Звезда Юга», сэр.

– Тогда я про нее знаю, – сказал Хорнблауэр. – Фамилия ее капитана – Гомес. Доставляет по четыреста невольников в каждом рейсе, если не слишком много умрет в дороге.

– Четыреста! – повторил Фелл.

По лицу капитана было видно, как тот умножает и делит в уме. Пять фунтов за голову – получается две тысячи фунтов. Четверть от этой суммы – пятьсот фунтов. Двухлетнее жалование одним махом. Фелл глянул на мачты, затем на море.

– Держи круче! – крикнул он рулевому. – Мистер Сефтон! Матросов к булинам на бак!

– Они выигрывают на ветре, – сказал Джерард, глядя в подзорную трубу.

Немудрено, что хорошо построенная шхуна идет круче, чем самый лучший фрегат с его прямым парусным вооружением.

– И к тому же отрываются от нас, – заметил Хорнблауэр, прикидывая расстояния и углы. Шхуна шла не только круче к ветру, но и быстрее. Совсем немного – на узел или на два, – но и этого было довольно, чтобы уйти от преследователя.

– Я их все равно догоню! – вскричал Фелл. – Мистер Сефтон! Свистать всех наверх! Выдвинуть пушки наветренного борта! Мистер Джеймс! Найдите мистера Ноукса! Пусть начинает откачивать воду! Вооружить помпы, мистер Сефтон! Выкачать все до капли!

Матросы высыпали из люков. Пушечные порты с наветренной стороны открыли, матросы, налегая на тали, потащили орудия вверх по наклонной палубе. Грохот катков по палубным швам бередил воспоминания о великих сражениях, однако сейчас пушки выдвигали с единственной целью: хоть немного выровнять киль, чтобы корабль мог идти круче к ветру. Вооружили помпы, быстро застучали рукояти, показывая, как усердно трудятся матросы, выкачивая за борт двадцать тонн питьевой воды. Казалось, пресная вода в плавании – вели-

чайшее сокровище, но даже небольшое уменьшение осадки вкупе с изменением крена позволит увеличить скорость на несколько ярдов.

По команде «Свистать всех наверх» на палубу вышел и мистер Эразмус Спендлав, секретарь Хорнблауэра. Молодой человек озирал дисциплинированную суету на палубе с выражением олимпийского превосходства, которое всегда нравилось в нем адмиралу. Спендлав выработал в себе подчеркнуто невозмутимую манеру, которая бесила одних и забавляла других, однако секретарем был на редкость толковым, и Хорнблауэр, взявший его по рекомендации лорда Эксмута, ни разу не пожалел о своем решении.

– Вы видите перед собой человеческое стадо за тяжким трудом, мистер Спендлав, – произнес Хорнблауэр.

– Воистину, милорд. – Спендлав глядел на испанскую шхуну в подзорную трубу. – Надеюсь, труд не окажется тщетным.

Торопливо подошел Фелл, по-прежнему глядя то на паруса, то на «Эстрелью».

– Мистер Сефтон! Позовите плотника! Пусть прикажет выбить клинья у грот-мачты. Большой наклон добавит нам скорости.

Хорнблауэр и Спендлав переглянулись. Секретарь досконально знал теорию корабля, у Хорнблауэра был за плечами огромный практический опыт. Они встретились глазами лишь на мгновение, но этого было довольно, чтобы понять: оба находят капитанскую затею бесполезной. Грот-ванты с наветренной стороны натянулись еще сильнее, и Хорнблауэр подумал: хорошо хотя бы, что у «Клоринды» новый такелаж.

– Не скажу, что мы выиграли в скорости, милорд, – заметил Джерард, по-прежнему глядя в трубу.

«Эстрелья» была заметно дальше впереди и ближе к линии ветра. При желании капитан-испанец мог к полудню совершенно скрыться с глаз. Хорнблауэр заметил на лице Спендлава странное выражение: тот с любопытством принялся к ветру. Хорнблауэр и сам раз или два уловил в свежем дуновении пассата гнусную вонь, но не сделал из этого никаких выводов. Сейчас он вновь потянул воздух ноздрями и тут же узнал запах, хотя последний раз обонял его лет двадцать назад: так разило от испанской галеры, набитой гребцами-невольниками, когда та прошла на ветре от их фрегата. Пассат, дующий прямо от «Эстрельи», разносил отвратительный смрад переполненного трюма далеко над чистым морским простором.

– Можно не сомневаться, что она идет с полным грузом, – сказал Хорнблауэр.

Фелл все еще пытался улучшить мореходные качества «Клоринды».

– Мистер Сефтон! Велите матросам перенести ядра к наветренному борту!

– Она меняет курс! – выкрикнули разом несколько голосов.

– Отставить, мистер Сефтон!

Подзорная труба Фелла, как и все остальные, была направлена на «Эстрелью». Она немного привелась к ветру и дерзко поворачивала, чтобы пройти поперек курса «Клоринды».

– Чертовы наглецы! – воскликнул Фелл.

Некоторое время все заворуженно смотрели, как два корабля идут сближающимися курсами.

– Она пройдет на расстоянии больше выстрела, – решил наконец Джерард.

С каждой секундой его правота становилась все очевиднее.

– К брасам! – заорал Фелл. – Рулевой! Право руля! Помалу! Помалу! Так держать.

– Два румба к ветру, – сказал Хорнблауэр. – Теперь наши шансы чуть побольше.

«Клоринда» шла курсом, на котором должна была перехватить «Эстрелью» в нескольких милях впереди. Можно было надеяться, что под таким углом к ветру косое вооружение и острые обводы уже не будут давать шхуне заметного преимущества.

– Возьмите пеленг, Джерард, – распорядился Хорнблауэр.

Джерард подошел к нактоузу и тщательно взял отсчет.

– У меня впечатление, – заметил Спендлав, глядя через синий-синий простор, – что она по-прежнему нас обгоняет.

– Коли так, – сказал Хорнблауэр, – то у нас одна надежда: что у них не выдержит какая-нибудь снасть.

– По крайней мере мы можем об этом мечтать, милорд. – Спендлав поднял взгляд, явно опасаясь, что скорее такое произойдет на «Клоринде». Она сильно накренилась под всеми парусами, какие могла нести, и тяжело вздымалась на волнах, которые прокатывали под ней, захлестывая в открытые оружейные порты. Хорнблауэр внезапно понял, что на нем нет сухой нитки; вероятно, остальные на палубе тоже промокли насквозь.

– Милорд, – сказал Джерард, – вы все еще не завтракали.

Хорнблауэр постарался не показать виду, что напоминание его смутило. В горячке погони он совершенно позабыл о завтраке, который с таким удовольствием предвкушал.

– Совершенно верно. – Из-за того, что его застали врасплох, шутливый тон получился несколько натужным. – И что с того?

– Мой долг – напоминать вам, милорд, – ответил Джерард. – Ее милость...

– Ее милость велела вам следить, чтобы я ел вовремя. Мне это известно. Однако ее милость по слабому знакомству с морской жизнью не учла, что во время обеда или завтрака может появиться быстрое невольничье судно.

– Но, возможно, милорд, мне удастся вас уговорить?

Мысль о еде, когда ему про нее напомнили, была еще соблазнительнее, чем раньше, однако как же трудно уйти с палубы в разгар отчаянной погони!

– Возьмите пеленг еще раз, и тогда я решу, – сказал он, чтобы оттянуть время.

– Угол продолжает увеличиваться, милорд. Она идет очень быстро.

– Безусловно, – сказал Спендлав, глядя на «Эстрелью» в подзорную трубу. – И сдается мне... сдается мне, она приводится к ветру. Возможно...

Хорнблауэр стремительно поднял к глазу трубу.

– Клянусь Богом, она поворачивает! – объявил он.

Очевидно, у «Эстрельи» был смелый капитан и отлично вымуштрованная команда. Шкоты выбрали и приготовились у марса брасов, затем руль положили на борт, и шхуна крутанулась волчком. Теперь Хорнблауэр видел в подзорную трубу весь ее великолепный профиль: она собиралась пройти поперек курса «Клоринды», причем довольно близко.

– Чертовы наглецы! – проговорил Хорнблауэр с явным восхищением дерзостью и сновкой испанцев.

Фелл во все глаза смотрел на шхуну, которая словно издевалась над преследователями. Он застыл, как в столбняке, только ветер хлопал полами его сюртука. Несколько секунд казалось, что корабли движутся к одной точке, в которой неизбежно сойдутся, но это впечатление быстро прошло. Даже без замеров было ясно, что «Эстрелья» промчит на безопасном расстоянии от фрегата.

– Убрать пушки! – заорал Фелл. – К повороту! Погонные орудия к бою!

Нельзя было исключить, что шхуна пройдет на расстоянии выстрела из погонных орудий, но при такой дистанции и качке ядро вполне могло попасть не в такелаж, а в наполненный людьми трюм. Хорнблауэр приготовился остановить Фелла, если тот не передумает стрелять.

Пушки вдвинули. Еще минуту Фелл оценивал ситуацию, затем приказал переложить руль на правый борт и спуститься под ветер. Шхуна шла в галфвинд, накреняясь так сильно, что Хорнблауэр в подзорную трубу временами видел ее медную обшивку, розовую на фоне морской сини. Довольно скоро «Эстрелья» пересекла курс фрегата, что Фелл молча признал,

отдав приказ повернуть еще на два румба влево. Благодаря двухузловому преимуществу в скорости и лучшей маневренности шхуна буквально обошла «Клоринду» кругом.

– Она создана для скорости, милорд, – заметил Спендлав, не отрываясь от подозрительной трубы.

То же самое можно было сказать о «Клоринде» с одной оговоркой: она – боевой корабль, выстроенный так, чтобы нести семьдесят тонн артиллерии и сорок тонн пороха и ядер. Ей незазорно проиграть гонку.

– Полагаю, она пойдет к Сан-Хуану, сэр Томас, – сказал Хорнблауэр.

Лицо капитана искажала бессильная ярость. Было видно, что он изо всех сил сдерживается, чтобы не выплеснуть гнев потоком божбы.

– Это... это...

– Могло бы взбесить святого, – закончил Хорнблауэр.

«Клоринда» находилась в идеальной позиции – в двадцати милях на ветре от Сан-Хуана; «Эстрелья» шла практически им в руки и тем не менее успешно обогнула фрегат и продолжила путь к порту.

– Я им еще покажу, милорд! – процедил Фелл. – Рулевой!

Впереди лежал длинный отрезок пути до Сан-Хуана на румб от линии ветра: гонка с одновременным стартом. Фелл проложил курс на Сан-Хуан, поскольку было очевидно, что «Эстрелья» (она была сейчас почти точно на траверзе «Клоринды») идет туда же. Оба корабля шли в галфвинд: им предстояло последний раз потягаться в скорости, словно двум яхтам на треугольной трассе в проливе Солент. Хорнблауэр напомнил себе, что рано утром плавание казалось ему яхтенной прогулкой; однако его флаг-капитан, судя по лицу, смотрел на дело совсем иначе. Фелл хотел во что бы то ни стало выиграть состязание и отнюдь не из жалости к несчастным рабам – его интересовала награда.

– Как насчет завтрака, милорд? – спросил Джерард.

Офицер остановился перед Феллом и, козырнув, спросил дозволения считать, что уже полдень.

– Пусть будет, – согласился Фелл. «Раздача грога!» – прокатился по кораблю долгожданный крик.

– Завтрак, милорд? – повторил Джерард.

– Давайте посмотрим, что у нас получается на этом курсе. – Хорнблауэр увидел, как на лице Джерарда проступило нечто похожее на отчаяние, и рассмеялся. – Подозреваю, что это вопрос не только моего завтрака, но и вашего. Вы ведь ничего не ели с утра?

– Да, милорд.

– Вижу, что морю голодом моих молодых людей. – Хорнблауэр перевел взгляд с Джерарда на Спендлава, но секретарь оставался подозрительно невозмутимым, и Хорнблауэр вспомнил все, что про него знал. – Готов поставить гиней, что Спендлав не отказал себе нынче утром в завтраке.

Ответом была широкая ухмылка.

– Я не моряк, милорд, – сказал Спендлав, – но за время в море усвоил одно: видишь еду – хватай. Золото фей не исчезает так быстро, как возможность поесть на корабле.

– Итак, пока ваш адмирал мучился голодом, вы прогуливались по палубе с набитым животом? Стыдитесь!

– Я стыжусь так сильно, как заслуживает ситуация, милорд.

Спендлав явно обладал всем тактом, необходимым адмиральскому секретарю.

– К грот-брасам! – заорал Фелл.

«Клоринда» неслась по синим волнам с ветром на траверзе; в галфвинд она шла ходче всего, и Фелл старался выжать из нее всю возможную скорость. Хорнблауэр глянул на «Эстрелью».

– Сдается мне, мы отстаем, – сказал он.

– Мне тоже, милорд.

Джерард подошел к нактоузу и взял пеленг; Фелл, глянув на него раздраженно, повернулся к Хорнблауэру.

– Надеюсь, милорд, вы согласны, что «Клоринда» сделала все возможное?

– Конечно, сэр Томас.

На самом деле Фелл оправдывал себя, и Хорнблауэр при всем своем убеждении, что сам бы правил «Клориндой» лучше, не сомневался, что «Эстрелья» в любом случае ушла бы от погони.

– Эта шхуна – настоящая чертовка, – сказал Фелл. – Только гляньте на нее, милорд.

Даже с такого расстояния было прекрасно видно, как хороши обводы «Эстрельи», как продуманно размещены ее паруса.

– Красавица, – сказал Хорнблауэр.

– Она отрывается от нас, это точно, – объявил Джерард от нактоуза. – И, кажется, идет круче.

– И с нею уходят пятьсот фунтов, – горько проговорил Фелл. Видимо, он и впрямь отчаянно нуждался в деньгах. – Рулевой! Круче на румб! К брасам!

Он немного привел «Клоринду» к ветру и с минуту смотрел, как она идет, прежде чем повернуться к Хорнблауэру.

– Я буду преследовать ее до последнего, милорд.

– Совершенно правильно, – согласился Хорнблауэр.

Лицо у капитана было обреченное, и Хорнблауэр только сейчас понял, что дело не только в деньгах. Разумеется, лорды адмиралтейства узнают, что Фелл преследовал «Эстрелью» и позорно ее упустил. Даже если Хорнблауэр в рапорте приведет все смягчающие обстоятельства, провал останется провалом, а значит, по истечении нынешнего двухлетнего срока Фелл больше не получит корабля. Сейчас на каждого капитана в море приходится по меньшей мере двадцать желающих заполучить его место. Малейший промах безнадежно губит карьеру. У Фелла есть все основания полагать, что теперь он до конца жизни будет прозябать на половинном жалованье. А леди Фелл – дама честолюбивая и расточительная. Не удивительно, что обычно багровые щеки Фелла приобрели сейчас сероватый оттенок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.